

Инна Баринская

*Детектив
сильных
страстей*

Небьющееся
сердце

Инна Юрьевна Бачинская

Небьющееся сердце

Серия «Детектив сильных страстей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24185057

Бачинская, Инна Юрьевна. Небьющееся сердце : [роман] ; Издательство

«Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-97271-5

Аннотация

Бывшему библиотекарю Оле из-за безденежья пришлось устроиться официанткой в кафе. Постепенно она привыкла к новой работе, у нее даже появился поклонник – постоянный посетитель, симпатичный молодой человек. Поэтому у Оли не возникло и тени сомнения, когда однажды дождливым вечером парень предложил ее подвезти... Очнулась Оля связанной у него дома, и намерения ее поклонника явно были далеки от романтических. Никто не знал, где она, и надеяться было не на что, но спасение все же пришло – в квартиру ворвался таинственный незнакомец, одним ударом уложил похитителя и освободил девушку. Благодарность Оли не знала границ, ради нового знакомого, Сергея, она была готова на все. Лишь спустя некоторое время она заподозрила неладное – слишком темными и непонятными оказались дела, которыми занимался Сергей, и она явно не сможет остаться в стороне...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	32
Глава 3	48
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	83
Глава 7	102
Глава 8	113
Глава 9	120
Глава 10	130
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Инна Бачинская

Небьющееся сердце

Все действующие лица и события романа вымышлены. Всякое сходство их с реальными людьми и событиями абсолютно случайно.

Автор

Если бы в один прекрасный день природа захотела раскрыть нам свои тайны, и мы увидели бы воочию те средства, которыми она пользуется для своих движений, то – боже правый! – какие ошибки, какие заблуждения мы обнаружили бы в нашей жалкой науке! Берусь утверждать, что ни в одном из своих заявлений она не оказалась бы права. Поистине. Единственное, что я сколько-нибудь знаю, – это то, что я полнейший невежда во всем.

Мишель Монтень. Опыты. Кн. 2, гл. 2. Апология Раймунда Сабундского

© Бачинская И.Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Женщина под дождем

Улицы поселка были пустынные; редкие фонари слабо освещали дорогу, неровные тротуары и заборы, за которыми угадывались деревья. Поздние сентябрьские сумерки, темные окна домов – то ли там никто не жил, то ли жители уже улеглись, – и слабый, нерешительный дождь в листьях деревьев, в траве рождали ощущение тоски и безотчетной тревоги. Было удивительно тихо – казалось, и дома и деревья затаились и внимательно наблюдают за чужим человеком, попавшим сюда в такое время неизвестно по каким тайным и темным делам. А чужой человек, женщина, отпустившая такси за два квартала до нужной улицы – на всякий случай, – медленно шла вдоль бесконечного забора, пытаясь рассмотреть номера на домах в поисках нужного семнадцатого. Дома на улице были старой застройки, одно- и двухэтажные, в основном деревянные. Из трещин в асфальте мощно тянулись белесые стебли полыни, крапивы и тонкие тугие стрелы подорожника. Казалось, место это давно брошено и обезлюдено. Вдруг впереди раздался грохот распахнувшейся двери, послышались громкие голоса, женский смех. Сноп света из дома упал на крыльцо и осветил улицу. Женщина от неожиданности прижалась к забору. Из калитки вышли несколь-

ко человек – видимо, хозяева провожали гостей. Последние недосказанные слова, похлопывания по плечу, напутствия, просьбы передать привет Федору и Гале, фырканье автомобильного мотора, который не хотел заводиться, – и улица опустела.

Если бы ее спросили, почему она прячется, она не сумела бы ответить. Инстинкт, наверное... А также тревожное ожидание беды и чувство страха, постоянное, непреходящее чувство страха... после короткой передышки, радостного ожидания и надежды. События последних дней, страшные и непонятные... Как будто лавина обрушилась, захватила ее и несет неизвестно куда! И постоянное ощущение, что она не одна, что за ней наблюдают, что преследователь уже рядом. Ей несколько раз снился человек, которого она увидела тогда у дома... который пришел за ней. Она узнала его, хотя видела всего один раз в жизни. Он приходил к ней в ночных кошмарах – высокий, чуть сутуловатый, руки в карманах. Он молча смотрел на нее и улыбался хищной улыбкой, похожей на оскал черепа. Глаз его не было видно в темных и страшных ямах глазниц, светлые волосы падали на лицо...

Она заставила себя выйти из тени. Еще несколько зданий, и наконец она у цели. Двухэтажный кирпичный дом в глубине сада за высоким забором. Полуоткрытая калитка, на которой белой краской выведена большая цифра семнадцать. Она проскользнула в сад и пошла к дому по узкой выщерб-

ленной кирпичной дорожке. В запущенном саду было еще темнее. Мокрые ветки деревьев нависали над дорожкой, и ей приходилось наклоняться, чтобы не задеть их. У самого крыльца она остановилась, раскрыла сумочку и, нащупав холодный металл пистолета, перевела дух.

– Успокойся, – сказала она себе, – еще немного – и все будет кончено. Совсем немного... И тогда... Что тогда? Свобода? Не знаю, может, и свобода... Ты это сделаешь! – приказала она себе спустя несколько мгновений. – Ты должна это сделать. А после того, как ты это сделаешь, – исчезни, растворишься, перестань быть... Господи, помоги мне!

Свет из верхнего, единственного освещенного окна падал на ветхую парадную дверь. Женщина толкнула ее и вошла внутрь, споткнувшись о коврик у порога. В коридоре было темно, как в склепе, и пахло пылью, гниющим деревом и кошками. На площадке между этажами угадывалось длинное узкое окно, единственное серое пятно в абсолютном мраке. Она замерла, прислушиваясь и привыкая к темноте. Через некоторое время она стала различать предметы вокруг. Коридор был забит хламом: сундуки, ведра, стопки связанных журналов, детские санки, горка кирпича... Как удачно, что она ничего не опрокинула! Странно, что нет света. Она осторожно ступила на ступеньку лестницы, ступенька издала оглушительный скрип, и женщина снова испуганно замерла. Сбросила туфли и, держа их в руке, пошла наверх босиком. Четвертая квартира... кажется, направо. Через ок-

но над дверью пробивался слабый свет из прихожей. Она положила палец на неясно белеющую кнопку дверного звонка. Потом, вспомнив, что стоит босиком, торопливо обулась. И позвонила. Было так тихо, что она услышала звонок внутри квартиры. И... ничего не произошло. Ни звука, ни движения в ответ. Она снова нажала на кнопку звонка. И снова ничего. Спит? Ушел? Он не мог уйти! Сказал, что будет ждать...

Ей почудилось слабое колебание воздуха, легкое дуновение от двери и, прежде чем она сообразила, что это может значить, она толкнула дверь. Дверь была не заперта и легко подалась. Она вошла в захламленную прихожую. Прислушалась. Неподвижная тишина закрытого помещения. Помещения, где никого нет.

– Не может быть, – подумала она, подбадривая себя, – он не мог уйти, да и дверь открыта. Простите, – обратилась она к пустоте, – здесь есть кто-нибудь? Это я вам звонила... час назад, и вы сказали...

Тишина в ответ. Где-то с обреченной равномерностью капала вода из крана, словно отсчитывая секунды до... Чего?

Что же делать? Инстинкт подсказывал ей, что нужно бежать. Мигающая красная лампочка.

– Глупости, – сказала она себе, – куда он мог деться? Он здесь... уснул... задремал...

Она добралась до двери, единственной, из-под которой пробивался свет, и осторожно постучала. Не услышав приглашения войти, она тем не менее нажала на дверную ручку.

ку и вошла. Оранжевый шелковый абажур с длинной бахромой бросал неяркий теплый свет на стол в центре комнаты, накрытый к чаю: чашки, конфеты и печенье в плетеной корзиночке, серебряные ложечки, розетки с медом. Чайник на керамической подставке. Мирная и спокойная картина. Она машинально дотронулась до остывшего чайника. На одной из чашек – розовая полоска. Губная помада? Она поднесла чашку к глазам – действительно губная помада! Женщина с облегчением рассмеялась: вот и объяснение! Хозяин пошел проводить гостью. Ничего, она подождет. Тут много картин, необычная мебель, старинный хрусталь за стеклом горки, масса безделушек: фарфоровые пастухи и пастушки, дамы в высоких париках, охотники с собаками и целая коллекция старинных фаянсовых пивных кружек с оловянными крышками. Она обогнула стол и увидела мужчину, лежавшего на полу около дивана. Застыв от ужаса, не в силах пошевелиться, она смотрела на повернутое к ней неестественно запрокинутое лицо, длинные седые беспорядочно разметавшиеся волосы и ярко-красное пятно на тусклом узоре бежевого ковра. Голубые глаза его были широко открыты и смотрели прямо на нее. И еще ей показалось, что мужчина улыбается...

Вдруг шевельнулась портьера, и женщина закрыла рукой рот, чтобы не закричать... Из-за портьеры появился большой серый кот, подошел к ней и, подняв морду, мяукнул. Порыв ветра надул парусом гобеленовую ткань... видимо, окно

было открыто, и в комнату вместе с запахом мокрой травы ворвался ровный и тяжелый шум дождя...

Бежать! Скорее! Она метнулась к двери, но тут некий звук снаружи привлек ее внимание. Подбежав к окну, она осторожно выглянула на улицу. Из черной машины, остановившейся у калитки, выходили люди. Человек, показавшийся ей непомерно большим, что-то говорил, указывая на дом. Поздно!

Дальнейшее происходило словно в ночном кошмаре, словно вел ее кто-то, помимо ее воли и сознания. А она, как кукла на веревочках, подчинялась движениям водящей руки. Расплескав недопитый чай, она схватила чашку со следами губной помады и запихала в сумку. Носовым платком протерла дверную ручку. Оглянулась вокруг, высматривая следы возможного беспорядка и лихорадочно вспоминая, к чему еще прикасалась. Потом бросилась к окну, взобралась на подоконник и скользнула наружу, на широкий выступ, проходящий под окном. Оттуда – на пожарную лестницу, мокрую и скользкую, и вниз!

Почувствовав под собой твердую землю, она, спотыкаясь о корни деревьев, цепляясь за стебли растений и уворачиваясь от мокрых веток, хлеставших по лицу, с ужасом ожидая услышать звуки погони за спиной, крики людей и лай собак, бросилась в глубину сада, туда, где, далеко впереди, светились окна соседнего дома.

За спиной было тихо. Равномерно шумел дождь, погло-

щая все звуки и надежно скрывая все следы. В самом конце сада она перебралась через невысокую изгородь, пробежала по темной дорожке к калитке и, остановившись, прислушалась. Потом, поправив волосы и одернув юбку, достала из сумочки, которую тесно прижимала к себе, зонтик, раскрыла его и, перебросив через плечо ремень сумочки, быстро пошла прочь. А меж тем сзади началось движение, раздавались голоса, замелькали огни...

Скоро женщина свернула за угол, вышла на соседнюю улицу, где горели фонари и попадались редкие прохожие, свернула еще раз, и еще раз, и, наконец, чуть замедлив шаги и прикрываясь зонтиком, вышла на центральную улицу и смешалась с толпой.

Часть первая

Время разбрасывать камни

Глава 1

Арнольд и Марта

– Я убью эту суку! Я ее убью! – Арнольд сжал кулаки, заскрежетал зубами, как злодей в исполнении провинциального актера, и с ненавистью выпустил воздух через нос. – Убью! Выдыхаю – зелень лета, небо, траву, цветы; выдыхаю – черный дым, запах... запах... чего? Тухлых яиц? Фу! – Он на мгновение задумался и забормотал снова: – Выдыхаю... в прошлый раз было сбежавшее молоко, а сейчас... Юрий Леонидович говорит, что каждый раз нужно выбирать новый запах... запах... черт бы его побрал, этого долбаного психоаналитика с его дурацкой вонью... Перегара! Дерьма! Выдыхаю запах мяты, розы, травы... все равно ненавижу! Листьев, яблок, мяты, роз, травы... э-э-э... листьев, яблок, выдыхаю – перегар, при чем тут перегар? Дурацкое упражнение! За такие деньги этот психошарлатан мог бы придумать что-нибудь попримечнее. Выдыхаю – перегар, тучу перегара, черный дым, вонючий, мерзкий, из трубы... Из какой трубы? О чем я? Да! Я убью эту дрянь, шлюху, стерву... что еще?

Или кого еще? Когда надо, никогда не вспомнишь. Неряху! Мою жену Марту! Я ее все равно убью! Я ее сброшу в пропасть! Нет, я хочу видеть, как она будет... я хочу это видеть! Я лучше толкну ее под поезд в метро! И буду смотреть, как ее размажет по рельсам... И буду спрашивать у всех: «Господа, господа, вы не видели моей жены? Вот только минуту назад была здесь, со мной. И исчезла. Где же она? Марта, ау, Марточка!» И буду смеяться неслышным внутренним смехом.

Или с балкона! Или... или... не важно! Придушу подушкой! Или шарфом! Нет, нельзя! Юрий Леонидович сказал не смешивать в кучу. Сегодня я ее сбрасываю! С крыши! Она летит! Развеваются прекрасные одежды. Я смотрю, как она парит, большая красивая птица, сова... ворона... королева... и... бряк! На асфальт! Подскочила, и снова... на асфальт! Ах! А кто это там так красиво лежит на асфальте, как цветок? Мартовский цветочек! Это жена моя, Марта! Моя бывшая жена Марта! Нечаянно упала с крыши, с двадцатого этажа, лежит на асфальте и не шевелится. Притворяется, наверное. А я – свободен, спокоен и печален. Осиротевший муж! Не каждый день жены падают с тридцатого этажа. Тем более с пятидесятого. Но – жизнь есть жизнь. Живем дальше. Жизнь продолжается. Игра продолжается. Делайте ваши ставки, господа!

Так, кажется, подействовало. Теперь виски в рюмашечку и соленый орешек! Арнольд наливает в серебряную рюмочку виски из четырехугольной бутылки, достает из пакетика оре-

шек, вытягивает руку и растопыривает пальцы – дрожат... но меньше!

– Как она меня сегодня довела! Стервида! Так и залепил бы по физии! Ну, ничего, за мной не пропадет. Я ее все равно приложу когда-нибудь. Упрямая с-у-у-ка! – С блаженным стоном он опрокидывает рюмку и бросает в рот орешек. – Нет, все-таки жить хорошо! А хорошо жить – еще лучше! – замечает философски, откидываясь на спинку кресла, закрывая глаза. Ему уютно, он чувствует приятную расслабленность в членах и чуть звенящую пустоту в голове. Его клонит в сон, и, засыпая, он лениво думает: – В следующий раз я ее... отравлю... и буду смотреть, как она... на ее судороги и конвульсии... хорошо! Молодец все-таки Юрий Леонидович! Недаром деньги берет... да и не попадешь к нему просто так... а только по рекомендации...

Через минуту он крепко спит.

* * *

А началось все еще ночью, в одну из нечастых минут мира и покоя в семье, и еще более редких – супружеской близости, когда голова Марты лежала на его плече, а он, поглаживая ее по спине, благодушно спросил:

– Ну, что твой бог?

– Что именно тебя интересует? – на удивление спокойно отозвалась жена.

– Является?

– Пока нет, но не беспокойся, явится!

– А кому-нибудь из ваших уже явился? – с завуалированной издевкой настырно продолжал Арнольд.

– Не знаю... об этом нельзя говорить вслух.

– А может так случиться, что он явится вам всем одновременно? Так сказать, произойдет коллективное явление? – совсем обнаглел Арнольд.

– Не произойдет! – коротко ответила Марта.

– Что так?

– Мы больше не собираемся.

– Ты порвала с религией? – внутренне хихикнул Арнольд.

– Нет, – сказала жена, и ее тон слегка смутил Арнольда – она говорила спокойно и высокомерно, как с придурком. Помолчав, она добавила: – Три недели тому назад во время медитации умерла женщина...

– И что? – заинтересовался Арнольд и даже привстал, опираясь на локоть.

– Ну, полиция там... у хозяина квартиры неприятности, а тут еще незарегистрированная секта. Мы пока самораспустились.

– А с чего она померла? Может, бога увидела? – внутренне потешаясь, участливо спросил Арнольд.

– Может, и увидела, – сказала жена, и снова ее спокойствие не понравилось Арнольду.

– А может, – начал он опять, не желая упускать возмож-

ность позубоскалить, – а может...

– Может... – отозвалась жена, отодвигаясь, и, повернувшись к мужу спиной, сказала: – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – разочарованно ответил Арнольд, – желаю тебе увидеть во сне твоего бога. Хотя вряд ли. Он где? В Африке? Неближний путь!

– Он здесь! – Это прозвучало так уверенно и спокойно, что Арнольд почувствовал себя неуютно.

– Как здесь? Прямо здесь? В спальне?

– Здесь, со мной.

– Ах да! Знаю! Бог в сердце.

– Нет, он здесь, рядом со мной. Он всегда рядом с каждым из своих учеников. Между ним и его учениками протянута ниточка.

– То есть уже явился?

– Нет, – терпеливо объяснила Марта, и опять Арнольд был неприятно удивлен ее спокойствием. – Еще не явился. Он явится, когда я увижу его. Тогда я стану посвященной.

– Как та, которая умерла?

– Возможно! Может, так и было задумано.

– Кем?

– Судьбой. Природой. Богом.

– А откуда ты знаешь, что он здесь? – Вопреки здравому смыслу Арнольд умерил пыл и почувствовал, что ему больше не хочется шутить на темы веры, и некая как бы зависть рождается в сердце – эта безмозглая дура нашла себе бога!

А бог, тоже мне! Большое счастье заполучить истеричную бабу.

– Чувствую.

– Как?

– Он поддерживает меня. Я спокойна. Я теперь знаю, что мне делать.

– Он что, подсказывает?

– Да.

– На каком языке? Он же из Африки!

– Ни на каком! Я просто его понимаю. Отец Львамугира объяснял: если снисходит покой, значит Он пришел...

– Отец Львамугира? Что еще за птица? – В голосе Арнольда появились ревнивые нотки.

– Отец Львамугира – один из апостолов культа. Учитель. Он из Танзании.

– Так он из Танзании заявился сюда?

– Из Америки. Сейчас он живет в Америке. Он миссионер, ездит по разным странам, несет учение!

– Разумеется, из Америки. Откуда еще. Все они из Америки. Истеричные американцы с жиру бесятся от своей бездуховности, а такие, как твой Лева... Льва... как его там, и пользуются, чтоб денежки выманить. Знаем, читали! – От легкого настроения Арнольда не осталось и следа. Он чувствовал злость и раздражение. – Безмозглая идиотка! Культ! Культ сатаны, и сатана – этот чернокожий колдун. Он черный?

– Черный.

– Черная религия не годится для белых. Все перемерете, как эта ваша... ученица. Ты что, не могла найти себе хотя бы белого попа? Если невтерпеж? – В голосе его звучала откровенная злоба. Он и сам не знал, почему так разозлился.

– Какая разница? Бог – это не человек, у него нет цвета кожи.

– А что же он такое?

– Добро. Любовь. Мир.

– Да, да, знаем! Не убий, не пожелай! Любовь! Чем, интересно, вы занимаетесь на своих... – Он запнулся, пытаясь найти слово пооскорбительнее, ничего не придумал и закончил ядовито: – Занятиях?

Жена молчала. В ее молчании было превосходство и презрение...

...Она уже спала, а он все думал, думал: о своей жизни, неудачах, карточном долге, который, думай не думай, а возвращать придется, счетчик включен... вот разве что... Ладно, посмотрим. А теперь еще эта курица нашла себе... нашла себе... Он затруднился с поисками слова. Нашла себе... дело? Нет! Смысл жизни, покой, уверенность. А тут мечешься, дергаешься, а смысла как не было, так и нет...

Он еще долго лежал, уставившись в темноту, подложив под голову руки, жалея себя, вспоминая детство. Как его дразнили в школе за малый рост и хилость, а иногда и били. И как с самого детства он приспособливался, лавировал

и изгибался... Тьфу! А сейчас что у него за жизнь? Все то же самое! Лавируешь, приспособливаешься, прячешься! Мысль о том, что можно хотя бы попытаться зарабатывать на жизнь, честно отсиживая на работе с девяти утра до шести вечера каждый день, просто не приходила ему в голову. Арнольд был жуликом по природе своей, причем жуликом мелким, нетерпеливым, сиюминутным, с психологией – хапнуть и бежать, и в большинстве случаев неудачливым. Так сказать, жулик-люмпен в иерархической структуре института жульничества.

Арнольд и Марта были женаты шесть лет. За это время трижды им пришлось сменить место жительства из-за Арнольдовых махинаций. Один раз его чуть не убили – и вот тут-то и крылось то нечто, чему и названия-то сразу не подберешь, ну, скажем, причина, почему он не собирался расставаться с женой. Марта была чем-то вроде талисмана, в чем он не признался бы даже самому себе. Было в ней что-то, что пугало его и заставляло сохранять хотя бы видимость хороших отношений. Кроме того, он боялся ее потерять. Да-да, он боялся потерять свою жену Марту, недалекую, неинтересную и некрасивую.

Они познакомились на вечеринке у едва знакомых ему людей, куда он попал случайно, от нечего делать и с целью перекусить, так как сидел на тот момент на мели. Марта привлекла его внимание тем, что после бокала шампанского пребывала в состоянии какого-то судорожного веселья и

беспрерывно хохотала. Деваться Арнольду было некуда, знакомых у него в этом городе не было, и он стал оказывать ей знаки внимания, хотя девушка была совсем не в его вкусе. Ему всегда нравились худощавые небольшие блондинки «со стервинкой». Марта же была темноволосой, сероглазой, довольно миловидной молодой женщиной, простоватой на вид, которой не помешало бы сбросить пару-другую лишних килограммов.

Они долго гуляли в тот вечер. Марта рассказала ему, что отец ее, профессор медицины, умер пять лет назад, она живет вдвоем с мамой и работает учительницей младших классов. Работу свою любит, потому что любит детей. Арнольд снисходительно слушал девичью болтовню, играя роль опытного столичного жителя, крупного специалиста в области авиастроения, каковым представился. Как-то раз его попутчиком в поезде оказался авиаконструктор, настоящий, разумеется, классный мужик, с бабками, который после распитой на двоих бутылки пятизвездочного коньяку (Арнольд было сунулся со своим виски, но Николай Кондратьевич приказал убрать виски прочь, так как солидные и понимающие люди пьют только хороший коньяк) рассказал Арнольду кое-что о современных самолетах, а также из истории отечественного и зарубежного самолетостроения.

Сейчас Арнольд, поняв, с кем имеет дело, и нисколько не опасаясь быть уличенным в самозванстве, рассказывал о своей лаборатории, о замечательных проектах суперлайнеров с

неконвенционными системами двигателей, о ночных испытаниях и абсолютной засекреченности всех материалов. Он был так убедителен, что и сам себе почти верил, а Марта все смотрела на него ласковыми темно-серыми глазами. С некоторой опаской он принял приглашение на чай, разумеется, не на сегодня, а на завтра, то есть все-таки уже на сегодня... Они расхохотались, так как было уже за полночь.

– Простовата, – подумал он тогда, – а, интересно, какова мамаша-профессорша? А может, враки про папика-профессора?

Сам Арнольд врал постоянно, даже не ради, а вернее, не только ради выгоды, а еще и по внутренней потребности, ради искусства, как, например, поэты сочиняют стихи, а композиторы – музыку. К его удивлению, мама, Таиса Леонидовна, оказалась весьма далекой от образа профессорской жены, как он себе это представлял. Такое простодушие сквозило в каждом ее движении и каждом слове, что Арнольд сначала было устыдился своего беспардонного авиаконструкторского стеба. Но уж очень случай был хорош, грех не воспользоваться. Таиса Леонидовна была еще довольно молодой женщиной, недалекой, не очень образованной – как он узнал потом, профессор, известный специалист по болезням костей и суставов, влюбился в молоденькую сестричку, оставил свою семью и женился на ней, удочерив ее двухлетнюю дочку Марту.

Таиса Леонидовна обласкала Арнольда, и он был сначала

ла тронут, но потом, оставаясь верным гнусной привычке видеть в людях лишь дурное и любой, самый незначительный поступок объяснять исключительно выгодой, сказал себе: «Еще бы, дочке уже четвертак натикало, не меньше, застоялась кобылка!»

Квартира ему понравилась: просторная и прекрасно обставленная.

– Вот папины книги, – сказала Марта, указывая на книжную полку в кабинете.

Арнольд вежливо подошел поближе: кости, суставы, сколиозы, туберкулез, б-р-р, гадость. Сколько, интересно, же они огребают за переиздания?

...Свадьбу сыграли поспешную и скромную.

– Нужно немедленно возвращаться в столицу, а то чуваки из моего КБ уже думают, что я свалил в натуре, – непринужденно объяснил жених.

Таиса Леонидовна, мамочка, как сразу же стал называть ее новоявленный зять, была разочарована – у дочки не будет пышной свадьбы, куда можно пригласить полгорода, а значит, и шикарного свадебного платья и венчания в церкви, где работает попом бывший пациент мужа. Словом, всего того, ради чего, собственно, и стоит выходить замуж. А если всего этого нет, то можно и не жениться. Сейчас и так живут.

«Вот чего мне сейчас не хватает для полного счастья, – подумал Арнольд, – так это нарваться на недурака-родственника. Не все же в семье с таким прибабахом, как эти... есть

же, наверное, и с мозгами».

Так и не узнав толком друг друга, Марта и Арнольд поженились, и молодой муж увез молодую жену в столицу. Таиса Леонидовна убивалась, как по покойнику, заклиная зятя беречь и жалеть Марточку, потому что она не такая, как все. «Все они не такие!» – буркнул Арнольд, которому теща уже начала надоедать. Не прислушался к ее словам, и напрасно. Ему бы тогда и спросить бы, что вы, мол, мама, имете в виду? А он пропустил ее слова мимо ушей. Мельком взглянул на золотой «Rolex», тещин подарок, семейную реликвию, принадлежавшую в свое время папику-профессору, и привычно подумал: «Кусков на пять потянет, не меньше».

Скоро Марта с удивлением узнала, что муж вовсе не авиа-конструктор, а как бы бизнесмен, днем спит, ночью работает и имеет карточные долги. А он, в свою очередь, был неприятно удивлен, узнав, что с женой не все в порядке «Порченную подсунули», – злобно подумал он тогда, когда это случилось в первый раз.

Марте снились сны. И во сне она разговаривала на тарбарском языке, так быстро произнося слова, что Арнольд не мог ничего разобрать. Иногда кричала. Иногда сидела на постели застывшим изваянием. Он обращался к ней, но она не отвечала, видимо спала, если ни чего похуже. Он слышал об эпилептических припадках, но у Марты явно было что-то другое. Лунатичка, решил Арнольд. Просыпаясь среди ночи, он дотрагивался до жены, чтоб убедиться, что она рядом. И

постоянно чего-то ожидал. И даже опасался. Расспрашивал о снах. Но наутро Марта никогда ничего не помнила. Однажды вспомнила красные горы и зеленое небо. И все.

– А с кем ты говоришь во сне? – допытывался Арнольд.

– Не помню, – отвечала Марта. – Разве я с кем-то говорила?

Сначала ему было интересно, потом надоело. Все чаще он стал уходить спать в другую комнату. И было еще что-то, чего он не понимал и что вопреки здравому смыслу удерживало его на расстоянии, а также от «прямых физических контактов», то есть от вульгарного рукоприкладства. Как-то раз, разозлившись на жену за тупость, Арнольд замахнулся на нее. Марта не отшатнулась, не забилась в истерике, но, серьезно глядя в его глаза, сказала:

– Больше так не делай.

– А то что? – ухмыльнулся Арнольд.

– С тобой произойдет что-нибудь плохое, – объяснила она спокойно.

– Например?

– Авария или сердечный приступ. Или еще что-нибудь.

– Ты что, ведьма?

– Я тут ни при чем. Меня берегут.

– Кто?

– Не знаю. Одна женщина нагадала мне предназначение.

– Как это предназначение?

– Не знаю. Узнаю, когда придет время.

– Чушь собачья! – презрительно фыркнул Арнольд, но про себя подумал: «А вдруг правда?»

Он вспомнил, как они чуть не разбились, когда он пошел на обгон, а встречный автомобиль пролетел буквально в миллиметре от их машины. Они должны были разбиться! Но... пронесло. Или случай с его долгом, когда ему угрожали, и он безвылазно сидел дома, прятался, понимая тем не менее всю безнадежность своего положения. Марта, которая ни о чем не подозревала, как он считал, однажды утром сказала ему, что прятаться уже не нужно, потому что Петр Андреевич его простил.

– Кто такой Петр Андреевич? – раздраженно осведомился Арнольд.

– Человек, которому ты должен деньги, – спокойно объяснила жена.

– Откуда ты знаешь? – опешил Арнольд.

– Я взяла трубку, когда он звонил, и мы поговорили.

– И что? – Арнольд с опаской посмотрел на жену: – Неужели крыша поехала?

– Ничего. Он пригласил меня в ресторан поужинать.

– И ты пошла? – Арнольд не верил собственным ушам.

– Да.

– И о чем вы говорили?

– Обо всем. О воспитании детей. Он расспрашивал меня о моих родителях. О политике.

– Ты? О политике?

– Я, конечно, понимаю в политике меньше, чем ты, но свое мнение у меня есть, – с достоинством отозвалась Марта. – Телевизор смотрю, в Интернете читаю.

– Воображаю себе, – буркнул Арнольд, украдкой рассматривая жену. Мысль о том, что кто-то нашел ее настолько привлекательной, что простил долг, казалась ему нелепой. А что тогда? А хрен его знает! Ничего другого не приходило ему в голову. И тут он вдруг вспомнил, что сделки, которые заключались у них дома, как правило, бывали удачными. Марта, разумеется, не сидела за столом переговоров, еще чего! Она приносила кофе, уносила пустые чашки, перекидывалась парой-другой фраз с деловым партнером. Серьезно глядя на гостя своими большими серыми глазами... коровьими, по мнению Арнольда, расспрашивала о семье и детях, могла похвалить костюм или галстук – словом, несла свою обычную чушь, только и всего. Но ведь было же, наверное, что-то...

– Прекратить истерику! – приказал себе Арнольд. – Два психа в одной семье явный перебор!

Так они и жили. Арнольд работал, Марта сидела дома. Тоскуя по детям, Марта собирала вокруг себя соседских малышей. И матери с удовольствием подкидывали ей своих чад, убегая в магазин или еще куда-нибудь. А Марта, как курица, которой подбросили чужих цыплят, с удовольствием возилась с ними. Арнольд сначала был недоволен и ворчал, что она занимается глупостями, а потом ему пришлось в голо-

ву, что, может, это и неплохо. С соседями желательно дружить.

Арнольд обладал замечательным талантом делать деньги. Причем делать из воздуха и на пустом месте, напоминая фокусника, который вытаскивает живого кролика из пустого цилиндра. Он мастерски воплощал свои многочисленные идеи и замыслы, скользя на гребне потребительского спроса и находя нужных людей: партнеров, исполнителей и простаков с деньгами. Чем он только ни занимался! Евроремонт и строительством коттеджей; обменом квартир; доставкой дорогой сантехники из Италии и Венгрии. Когда квартирный бизнес ему надоел, он ударился в науку: поставлял репетиторов, открывал курсы иностранных языков, устраивал желающих в престижные вузы и даже приторговывал дипломами. Но, чем бы он ни занимался, действия его подходили сразу под несколько статей Уголовного кодекса. Иногда ему везло, и он успевал, собрав пенки с очередного предприятия, вовремя, или почти вовремя, исчезнуть. Иногда нет – и тогда приходилось тоже исчезать, но намного быстрее.

Встав как-то утром, по своему обыкновению, поздно, с тяжелой после вчерашнего перебора головой, он потащился в кухню с целью пошарить в холодильнике на предмет чего-нибудь холодненького. В коридоре он услышал воркующий голос жены, доносившийся из кухни, на цыпочках приблизился и заглянул. Картина, открывшаяся его глазам, настроила его на сентиментальный лад: у Марты на коленях сидел

кудрявый малыш, трехлетний сынишка разгильдяйки-соседки Ирки из тридцать пятой квартиры, и жена кормила его с ложечки какой-то дрянью. Арнольд уже не в первый раз подумал, что неплохо бы иметь своего пацаненка, Павлушу, Павла Арнольдовича. Или девочку, дочку, Марийку, в честь бабушки. Мария Арнольдовна! Звучит очень даже. Несмотря на многочисленные амуры со стервидными блондинками, матерью своего ребенка он не представлял никого, кроме Марты. В минуты расслабленности он иногда думал, что ему повезло с женой: звезд с неба, правда, не хватает, простовата, но надежна, что немаловажно в наше подлое время, порядочна и, главное, доверчива, как... как... слон! Почему слон? Так он видел: жена Марта, доверчивая, как слон. Качество, безусловно, удобное, но вызывающее некоторое презрение. Таково гнусное свойство человеческой природы: презирать тех, кого обманываем. Являясь домой под утро в самом истерзанном состоянии после бурно проведенной ночи, Арнольд нес запредельную чушь про обсуждение нового проекта, неприехавшее такси, камни с неба и летающую тарелку... да что угодно! Арнольду с его буйной фантазией выдумать причину опоздания было парой пустяков. Марта всему верила.

Мысль о ребенке посещала его в последнее время все чаще.

«Пора, – думал он, – время идет, чем раньше, тем лучше... родители и дети должны дружить... хотя бы внача-

ле...»

Он представил себе, что у Марты на коленях не чужой мальчик, а их собственный, и Марта, разумеется, балует его и позволяет «ходить головой», как говаривала его бабка, а он, Арнольд, притворно сердится и...

Перед мысленным взором его возникала картина-видение прехорошенького домика где-нибудь в закрытом поселке, в лесу, увитого диким виноградом, а перед домиком – поляна гибридных чайных роз, таких, какие он видел у одного крутого партнера. Две из целой коллекции запали ему в душу, и он даже названия их запомнил, хотя всю свою жизнь был равнодушен к цветам: «Святой Патрик» и «Мария Магдалина». Обе желтые, но «Святой Патрик» просто желтая, глубокого и насыщенного желтого колера, а «Мария Магдалина» – по краям желтая, а внутри оранжево-горящая, глаз не отвести! И целая поляна – одни желтые розы, все в масть, кустов пятьдесят или сто, или двести! Даже в пасмурный день поляна будет залита солнцем. И он, Арнольд, в свободное от работы время будет ухаживать за своими красавицами, помня их всех по именам. Окучивать их (или это только картошку окучивают?), поливать, срезать сухие ветки и цветки. А потом долго сидеть на веранде, попивая легкое винцо, у ног его будет лежать громадный смоляной ротвейлер, любимая сука Ритка, и тут же – возится двухлетний сын Павел... или даже двое. Марта будет суетиться с ужином, а в воздухе будет разлито офигительное благоухание сотен цветущих розовых

кустов. Эх, сорвать бы банчок!

И вот, похоже, кое-что наметилось, нашелся возможный партнер, и стрелка забита – у Арнольда дома, поближе к Марте. А у этой дуры, видите ли, сеанс. Утром Арнольд сказал жене, что у них к обеду будет гость. Марта ответила, что до ухода все приготовит.

– До ухода? – неприятно удивился Арнольд. – Куда это ты намылилась?

– На встречу с духовным отцом.

– Ты же говорила, что вы не собираетесь!

– Мы собираемся маленькими группами, по три человека.

– Один раз можно пропустить.

– Нет!

По тону Арнольд понял, что спорить бесполезно. Мягкая и покладистая Марта иногда становилась тверже кремня. Арнольд чертыхнулся. Как же без Марты? Как многие игроки, он был суеверен, боялся черных кошек, попов и старух в черном и никогда не назначал встречи на тринадцатое число. Все в нем бунтовало при мысли, что Марта была его талисманом – бабские бредни, чушь собачья... но как-то так само собой выходило, что в ее присутствии он чувствовал себя увереннее.

Марта ушла, и сделка, разумеется, сорвалась. «Блин!» – подвел итоги Арнольд. Сел в любимое кресло и задумался, грызя ногти, что служило признаком напряженного мыслительного процесса.

– Дура! Боже, какая дура! – сказал он вслух, вспомнив о жене. – Корова! Все из-за нее! Рванула к своему Льву... Льва... как его там, духовному наставнику. Знаем, чем они там... – Мысли его приняли неожиданное направление: – А что, если... спуталась? Точно!

Она же переменялась в последнее время – все время молчит, думает о чем-то, а он, дурак (вот уж кто настоящий дурак!), ничего не замечал. Ничегошеньки! Точно, спуталась. Ах ты, святоша! Ах ты, змея! Да если это правда... Убью, убью на месте! Обоих!

Продолжая терзать себя в том же духе еще некоторое время, несчастный Арнольд дошел до состояния, когда уже не оставалось ничего другого, как прибегнуть к известному сеансу психотерапии.

Глава 2

Оля

В будний день кафе закрывалось в одиннадцать, и к этому времени в нем, как правило, не оставалось посетителей. А если и оставались, то Зинаида быстро их спроваживала. В субботу и воскресенье они закрывались позднее, а если были заказы гулять свадьбу или день рождения, то, бывало, и за полночь. Было уже без пятнадцати одиннадцать; официантки сидели за одним из столиков – ритуал, неукоснительно соблюдавшийся в конце рабочего дня, несмотря на усталость и поздний час. Зинка наливала в стаканы кому вино, кому покрепче, Надежда Андреевна приносила закуски.

– Расслабимся, девочки! – говорила Зинка, и Оля послушно брала стакан с легким белым вином. Она работала в кафе всего полтора месяца, пить совсем не умела, была неловкой и все время боялась сделать что-нибудь не так. «Наша книжная мышка» – прозвала ее Надежда Андреевна, Надя, которую Оля упорно называла по имени и отчеству из-за ее возраста – той было около пятидесяти. Раньше Оля работала в библиотеке, а потом ее сократили, и она два месяца искала работу, пока не устроилась в кафе официанткой.

– Оля, давай, выпроваживай своего кавалера, ночь на дворе, – сказала громко Надежда Андреевна.

Кавалер, молодой человек по имени Витек, сидевший за

Олиным столиком, услышал ее слова и, поняв, что речь идет о нем, дернулся и засуетился. Он краснел, как мальчик, не умея поддержать легкий разговор, посмеяться, ответить шуткой на шутку. Не глядя на Олю, он неловко достал деньги и положил на стол. Поднялся и, не дожидаясь сдачи, пошел к выходу.

– Пожалуйста, возьмите сдачу, – сказала Оля ему вслед. Витек, не оборачиваясь, дернул плечом, что означало: «не надо», и вышел, не попрощавшись.

– Не понимаешь своего счастья, Ольга, – сказала Зинаида. – Чем не жених! Не пьет, не курит, заработок очень даже, машина, дом, да таких днем с огнем не сыщешь!

– И по бабам, видно, не ходок, – вставила Надежда, – робкий. Сейчас такие большая редкость.

– Что не ходок, это – факт! А может, он больной? Импотент? Косяки кидать, ну, там, цветочки нюхать, а как до дела...

– Глупости! Просто парень стесняется. А у тебя все больные, кто не гуляет.

– А они и есть больные, кто не гуляет. Здоровый мужик всегда хочет.

– Вот у тебя здоровый и всегда готов, а ты с ним мало намучилась?

– При чем здесь мой... мы же про Олькиного. А вообще, я читала в журнале, что мужики... забыла слово, ну, как арабы, могут иметь несколько жен...

– Полигамны, – вставила Оля.

– Ага, и семья свое должны разбрасывать как можно дальше, чтоб размножался человеческий род.

– Ага, оно и видно! Стараются прям из шкуры вылазят, раз мы до сих пор не подошли, – вздохнула Надежда Андреевна. – А уж как нас морят, не приведи господь! И бомбой, и химией, и радиацией, а нам все как с гуся вода. А еще в газете писали, что в случае атомной войны выживут, знаете, кто?

– Кто?

– Крысы и тараканы, вот кто!

– Хватит! Давайте лучше про мужиков, а то и так тошно, – воскликнула Зинка. – Смотри, Олька, не упусти своего счастья. Такие, как Витек, на улице не валяются. Я бы и сама... Да где уж мне! Он же с Ольки глаз не сводит, прямо завидки берут. И чем она только его приворожила?

Так, непринужденно болтая, девушки дожидались Зинкиного мужа Володю, который приезжал за ней и по пути подбрасывал домой Надежду и Олю. А Володи все не было. И мобильник его был вне доступа. Около половины двенадцатого Оля сказала, что должна собираться, чтобы успеть на автобус, так как Володя, может, и вовсе не приедет.

– Может, и не приедет, – согласилась Зинка, – с этим придурком никогда не знаешь, чего ждать. Если напился, то вполне... Зараза!

Оля подхватила сумку с продуктами и побежала на автобусную остановку, еще раз с благодарностью подумав, что

при ее работе голодать не приходится.

Она стояла под стеклянным навесом, с нетерпением ожидая автобуса. Улица, слабо освещенная, была пустынна. Оля с облегчением увидела, как из дома напротив вывалилась большая шумная компания мужчин и женщин и стала, хохоча, ловить такси. А ее автобуса все не было. Стал накрапывать холодный дождь. Оля поежилась. Что же с автобусом? Может, вернуться к девочкам? В это время рядом с ней затормозил легковой автомобиль-фургон, и она, ощутив мгновенный укол страха, тут же с облегчением увидела Витька, который, распахнув дверцу с ее стороны, сказал:

– Садитесь, а то прождете до утра, и дождь идет... – Произнеся такую длинную фразу, Витек замолчал и молчал все время, пока они ехали.

Оля сказала свой адрес. Помолчав, чувствуя неловкость и не зная, как себя держать с этим странным, неразговорчивым парнем, она наконец пробормотала:

– Спасибо вам большое, не знаю, что бы я без вас делала...

В машине было тепло и уютно, движение укачивало. Оля закрыла глаза и слегка задремала. Потом почувствовала, что машина тормозит, хотела спросить, что случилось, но не успела, потому что к лицу ее прижали что-то холодное, влажное, с резким техническим запахом, и она потеряла сознание...

...Витек Плоский помнит себя маленьким пятилетним мальчиком, в меру непослушным, в меру избалованным, любимцем всего общежития рабочих-строителей, где он жил со своей мамой Линой с того самого момента, как его, крохотного, привезли вместе с мамой из роддома ее подружки – Лена и Лариса. Из чего можно заключить, что папы, увы, у него не было. Помнит, как его таскали на руках, тормошили, водили гулять, когда мама работала, закармливали конфетами, пирожками и яблоками веселые сельские девушки, работавшие на стройке. Мама тоже работала на стройке, но не штукатурицей, как толстая любимая тетя Лена, подруга мамы, а в вагончике, выписывала бумажки. Помнит, как его мама, мама Лина, выходила замуж за человека по имени Петрович. Все тогда говорили: ну, Лина, считай, повезло – за Петровичем не пропадешь, мужик он справный, и дом свой, и хозяйство. А его спрашивали: рад, Витек, что папашу заимел? Витек важно кивал – да, рад, мол. Родственники – тетка Тамила из деревни, ее муж и два взрослых сына, знакомые и гости тискали его, гладили по головке и дарили всякие замечательные вещи: красных петушков на палочке, шоколадки, зеленый автомобильчик, сачок для ловли бабочек и головастика.

В новой жизни Витек жил сам по себе. Любил маму Лину

и изредка приходившую тетю Лену. На Петровича не обращал особого внимания, равно как и тот на него, но на глаза ему лишний раз старался не попадаться. Мама Лина хлопотала по дому – они держали поросенка и кур, да и огород требовал немало сил и внимания. Ей пришлось уйти из СМУ, и она устроилась ночной дежурной в статуправление. Одну ночь отработает – три дня дома.

Иногда приходила тетя Лена, и они с мамой долго пили чай и разговаривали. Витек приносил любимой тете Лене клубнику, крыжовник или смородину и высыпал в ее необъятный подол. Тетя Лена и мама смеялись, хотя ему иногда казалось, что мама плакала. И еще он слышал, как тетя Лена говорила маме:

– Не переживай, ничего, как-нибудь, перемелется, мука будет... А кому хорошо? Кого ни возьми... Мужики – одна пьянь подзаборная... А Петрович все-таки хозяин и самостоятельный... куда тебе с парнем, подумай сама?

Летом они с мамой Линой уезжали в деревню к тете Тамиле, а там – река, луг и, главное, Жучка, ласковая собачка Жучка, и все радости деревенского лета – лес, грибы, ягоды, медовый запах трав, теплое парное молоко от рыжей теплобокой Красули, долгие разговоры на лавочке перед домом и большие яркие деревенские звезды...

Хороший у Петровича дом. Сам строил. Из сэкономленных материалов. Большая зала, большая кухня, даже две – одна в доме, а другая во дворе, летняя, под навесом, спальня

и еще две маленькие комнатки. Одна из них досталась Витюше. Не у каждого маленького мальчика есть своя комната! С полками, где лежат книги: сказки и истории про медвежонка Винни-Пуха и лесного мальчика Маугли; солдатки, пистолеты и другие сокровища. Есть еще в доме большой и глубокий подвал, где стоят бочки с квашеной капустой, огурцами и помидорами – место темное и страшное. А вот мастерская Петровича, где он часами стругает, пилит и режет – совсем другое дело! Петрович умеет делать табуретки, полки и даже кухонные шкафчики, благо дерево ему достать не проблема.

А потом случилось событие, перевернувшее всю его маленькую жизнь. Витек лежал в постели, раздумывая, когда лучше признаваться в том, что он выбил окно в классе – утром или, может, сейчас, когда мать устала и хочет спать. И тут он услышал крик. Сначала он подумал, что кричат на улице, но потом понял, что не на улице, а в доме. Крик повторился еще раз, и тогда он, полный противного липкого страха, на цыпочках подкрался к спальне Петровича и мамы Лины. Дверь была приоткрыта. И теперь он явственно слышал стон... мамы и звуки... чего? Он приник к дверной щели, едва живой от ужаса. Сначала он ничего не понял, а потом рассмотрел показавшуюся ему громадной обнаженную, неестественно белую тушу Петровича, стоявшего на постели на коленях, и его черное страшное перекошенное лицо. Петрович, двигаясь как автомат, широко размахиваясь, бил мать по плечам, спине, лицу своим пудовым кулачищем. Мать

лежала скорчившись, зажимая рот руками, и только иногда вскрикивала.

Витек вернулся в постель, лег и укрылся одеялом с головой. Тело его сотрясала крупная дрожь, он икал и всхлипывал и никак не мог остановиться. А внизу живота собиралась горячая пульсирующая тяжесть. На другой день он ни о чем не вспомнил. Инстинкт самохранения спрятал страшное воспоминание на самое дно памяти. Мама Лина была молчалива и бледна. Приготовив ему завтрак, она сидела и смотрела, как он ест, и на лице ее было написано отчаяние.

Через два или три месяца он опять услышал крик, мигом покрылся липким холодным потом и вспомнил все. И заплакал от жалости к матери, своего неумения спасти ее, ослепляющей ненависти к Петровичу и страха перед ним. Петрович стал вызывать в нем какое-то скверное нехорошее любопытство. За столом он украдкой рассматривал его грубые большие руки, представляя, как он бьет ими мать. Наблюдал, как он режет хлеб – нож казался игрушечным в его лапшах... и знакомая пульсирующая тяжесть собиралась внизу живота. Потом он тайком унес этот нож к себе в комнату, долго рассматривал, а потом стал наносить удары в воздух по воображаемому противнику. Он решил, что в следующий раз убьет Петровича, и спрятал нож под матрас.

Он подглядывал за Петровичем, когда тот работал в мастерской. В его отсутствие заходил в мастерскую и трогал инструменты. Петрович, заметив беспорядок, сказал гром-

ко: «Еще раз тронешь, убью!» Витек, стоявший за дверью, почувствовал слабость в коленках. Он стал бояться Петровича и при звуке его голоса вздрагивал. И постоянно следил за ним ненавидящими глазами. Ему нравилось, прячась за углами и перебегая от дерева к дереву, преследовать отчима. Так он узнал, что тот ходит к Эмме, вдовушке, недавно купившей дом по соседству. Эта самая Эмма все время приходила к ним и навязывалась в подружки маме Лине...

...А потом пришло лето, а с ним и каникулы. Витек с мамой Линой, как всегда, стал собираться в Воронковцы к тетке Тамиле. Покупались городские гостинцы, упаковывались сумки. Петрович деловито закрывал сумки, перевязывал их веревкой, выносил на крыльцо, где уже стояла в ожидании машины озабоченная мама Лина. Бессовестная Эмка, разумеется, крутилась тут же.

– Будешь звонить каждый день, – наставлял Петрович. – Если что, сразу сообщай, поняла?

Витек прекрасно понимал его нетерпение, как же, Эмка вон как глазами стрижет! Потом Петрович ушел в дом, а машины все не было. Витек вспомнил про забытого серебряного робота и побежал следом. Заслышав шум на кухне, подкрался к двери и заглянул. Увидел тяжелую квадратную спину Петровича и его наклоненную большую голову с плешью: тот, держа впереди себя огромную стеклянную бутылку с серной кислотой, собирался спуститься в подвал. Дверь подвала была открыта и оттуда неприятно тянуло гнилью. Витек,

выставив вперед руки, рванулся к ненавистной спине и изо всех сил, удесятенных слепой яростью, толкнул... захлопнул дверь и зажал уши, чтоб не слышать крика и грохота. Секунду спустя приоткрыл дверь... – там, далеко внизу, что-то страшно ворочалось, всхлипывая и мыча...

Он бросился в свою комнату, вылез из окна в сад и побежал на голос зовущей мамы Лины, туда, где было светло и не страшно. Машина уже пришла. Дядя Саша очень спешил и нервничал, так как в последнюю минуту что-то у него там случилось, кажется, сдулась покрывка, а до поезда оставалось совсем ничего. Он побросал в машину сумки, усадил маму Лину и Витька, и они уехали.

* * *

Витек помнит, что мама Лина с теткой уезжали в город на три или четыре дня, чему предшествовал телефонный звонок, крик и плач мамы, горячие обсуждения и поспешный отъезд. Он не особенно озаботился причиной и с удовольствием остался с дедом Мишей, механиком, который в горячую летнюю пору дневал и ночевал в поле. Соседка доила Красулю, оставляла в кухне на столе кринку с молоком, прикрыв ее тарелкой от мух, а в середине дня на минутку заскакивал дед Миша, привозил хлеб, консервы, и они, сварив картошку, устраивали себе мужской обед. Потом дед Миша опять уезжал, а Витек оставался хозяйствовать на пару с

Жучкой.

Потом вернулись мама Лина и тетка Тамилла с сумками городской еды. Приехали сыновья тетки Тамиллы, Коля и Алексей, вернулся дед Миша, и все долго сидели за столом, обсуждая свои взрослые дела. Вспоминали Римму, сестру Петровича, и часто повторяли слово «наследство». И, если бы не тетка Тамилла, то не видать бы им с матерью ни дома Петровича, ни сада... Об этом Витек узнал гораздо позже, когда был уже совсем большим.

...Витек с мамой Линой вернулись домой перед самым сентябрем. По дороге мама Лина осторожно сказала ему, что Петрович уже не будет жить с ними... он уехал. «Умер!» – подумал Витек, смутно припомнив крик и страшную возню в погребке и рассказы тетки Тамиллы о том, что кого-то там «хоронили в закрытом гробу... страх, просто... ничего не осталось... не узнать человека... был и нет...»

– Знаю, – сказал он матери, – Петрович умер.

– Умер, – вздохнув, согласилась мать, и глаза ее привычно наполнились слезами.

И жизнь покатила дальше.

Мать изменилась очень, словно застыла. С лица исчезло привычное неуверенно-виноватое выражение, но такая печаль, такая грусть теперь светилась в глазах, что любимая тетя Лена однажды сказала:

– Ну, ты, Линуся, чисто пресвятая мученица, да встряхнись же, Христа ради!

А Витюша рос, мужал... О Петровиче никогда не вспоминал, словно того и не было вовсе. И хотя часто мастерил что-то в его мастерской, куда раньше ход ему был заказан и где еще оставались его вещи, а вот, поди ж ты, не вспоминал, и все! В погреб он не спускался несколько лет. Не намеренно, а просто незачем было. Мать не посылала, сама спускалась в случае чего. Однажды, когда дверь в погреб была приоткрыта, Витек подошел... постоял нерешительно... заглянул в темноту... и вспомнил, как ворочался там внизу Петрович... и обдало его горячей волной ужаса и появилась знакомая тяжесть внизу живота... Мама Лина в это время наблюдала за сыном и все поняла... она и раньше думала, что было что-то не так во всей этой истории, а теперь убедилась в том, о чем боялась даже подумать...

Ночью она плакала и, неверующая, уговаривала, то ли Бога, то ли высшую какую силу, ответственную за воздаяние всем и каждому по заслугам:

– Мой это грех! С меня спроси, с меня... прошу тебя... я, только я во всем виновата...

Она стала ходить в церковь. А Витек продолжал учиться в школе, правда, плохо. Не любил учиться, неинтересно было. Друзей не завел ни в классе, ни в поселке. Ни в ком не нуждался. Так и вырос – небольшой, как подросток, худощавый, черноволосый, черноглазый паренек, даже приятный на вид, если бы не манера прятать глаза да двигаться бочком, словно украдкой, словно стараясь никому не попадаться на глаза.

Закончил восемь классов, пошел на работу в мастерскую по ремонту бытовой техники. Руки у него были хорошие, и зарабатывал он неплохо.

Мать умерла сразу – схватило сердце. Когда приехала «Скорая», ее уже не было.

– Легко померла, как святая, дай Бог всякому, – сказала на поминках заплаканная тетя Лена, старая, одышливая и толстая.

И остался Витек один. Молчаливый, спокойный, непьющий молодой человек. С приличным заработком.

– Чем не жених? – любил повторять заведующий мастерской молоденькой приемщице. – Ты бы подумала!

Та даже не отвечала, а только с легкой пренебрежительной гримаской пожимала плечами. Не хотели его женщины...

Как-то раз привел он домой уличную девчонку, накормил – как она ела! Проглатывая куски, не жуя. «Как собака», – подумал он брезгливо. Но даже Жучка тетки Тамилы ела не так жадно. Девчонка отмылась, похорошела... он дал ей материн халат... она так и уснула в нем. Спала тихо, как ребенок. Он лежал рядом, прислушиваясь к новым ощущениям... халат распахнулся, под ним ничего не было... женщина была рядом с ним – дышала, бормотала во сне... а ему виделся знакомый акварельный образ... была у него тайная картинка... милое женское лицо в легкой кружевной тени от поля соломенной шляпки, опущенные глаза, длинные ресницы, легкая улыбка... через руку переброшена изящная пле-

теная корзинка, куда *Она* кладет срезанные цветы, а вокруг зелень летнего дня... и у них любовь... такая чистая, такая прекрасная! Витек был целомудрен и стыдлив... он видел себя у ног Божества, вымаливающего прощение за какой-то ничтожный проступок... со слезами на глазах... и она поднимает его своими прекрасными ручками, и они... и тогда между ними происходит то самое... то, что бывает между мужчиной и женщиной... Едва не теряя сознание, он представлял себе *это*...

Рано утром он ушел на работу. Гостья спала, и он не стал ее будить. Раз или два он небрежно упомянул, что его дома ждут... баба! Чем заслужил одобрительный гогот коллег и хлопки по плечу.

Домой он летел, как на крыльях, дважды проехав на красный свет. Представлялось ему, как войдет он в чистый дом, где ждет его женщина, а обед уже готов и вкусно пахнет...

Женщина его не ждала. Сначала ему показалось, что она ушла: в доме было пусто, царил знакомый беспорядок, в мойке громоздилась невытая со вчерашнего дня посуда. Но нет, она не ушла: пьяная и расхристанная, храпела на его постели. Он почувствовал разочарование и обиду. Он хотел чистоты, а эта шлюха все испортила! В нем закипало бешенство. Он уселся на стул перед кроватью и стал смотреть на нее... из уголка рта у нее бежала нитка слюны... Подлая! Он ощупал взглядом ее голые ляжки, полудетскую грудь... кадык его дернулся... знакомая тяжесть появилась внизу жи-

вота... Где-то в глубине сознания появился акварельный образ прекрасной незнакомки в соломенной шляпке, щемяще близкий и родной. Он смотрел на спящую девчонку, разрываясь от ненависти и желания... боль внизу живота стала непереносимой... он бросился в кухню, вытащил нож, тот самый, который когда-то украл у Петровича... нагнулся над спящей... в нос шибануло мерзким запахом перегара... и ударил... раз, другой... рычание вырывалось у него из гортани... Он бил снова и снова...

Он мстил ей за то, что была она грязная, ничтожная, уличная потаскушка, не сумела понять его, не сумела оценить... Еще удар... еще... и все было кончено! Он почувствовал, как боль разрядилась, отпустила, и на смену ей пришло сладкое желанное облегчение... он повалился на кровать рядом с истерзанным, теплым еще телом и на какое-то время ушел в небытие...

Светало, когда он заровнял пол в погребе, почистил лопату, поставил на место доски и не спеша полез наверх. Кровать зияла пустотой – в простыни он завернул тело...

Он стоял посреди комнаты, придирчиво осматриваясь. Принес таз с водой, тряпку, стиральный порошок, долго мыл и тер, тщательно уничтожая малейшее подозрительное пятнышко. Достал из шкафа свежие простыни. Черт, а это что? Блестящий тюбик губной помады под кроватью – он подобрал золотой патрончик и сунул его в карман. Потом пошел на работу...

* * *

...Оля пришла в себя и сначала не поняла, где находится. Она лежала на чужой постели, в незнакомой пустой комнате. Болели крепко связанные запястья. Рот был заклеен липкой тянущей полоской. Она вспомнила, что произошло, и почувствовала страх, от которого помутилось сознание и скользнула горячая струйка вдоль позвоночника.

– Мамочка, – взмолилась она, – спаси меня!

Глава 3

Сергей Кротов

Он сидел в этом небольшом старинном городке уже неделю. Человек, которого он ожидал, так и не появился. Он дал ему еще один день – завтра. Что-то, видимо, случилось, и дальше ждать бесполезно. Звали его Сергей Кротов, и был он курьером по доставке серьезных грузов.

Девать себя здесь было решительно некуда. Он долго спал по утрам. Посетил исторический музей, осмотрел местные достопримечательности – знаменитые пушки петровских времен, числом двенадцать, в парке над рекой, белокаменные соборы, церкви и монастыри, ходил на пляж, пустой и унылый в это время года. Ходил завтракать и обедать в кафе «Старый торговый шлях» – название понравилось. Познакомился и подружился с официантками. На третий день знал все или почти все о них и о завсегдатаях ресторанчика. Какой там ресторанчик, так, общепит обыкновенный. Но, правда, скатерти на столах чистые и салфетки в наличии. Девушки славные и цветов много.

Он подолгу сидел в кафе с планшетом, просматривал новости; от нечего делать, пялился на девушек-официанток – Зину, Олю и Надежду Андреевну; стал здороваться с постоянными клиентами. Ему редко выпадала такая свобода, и он не знал, что с ней делать. Он заметил, что старичок пенси-

онер Вадим Юрьевич симпатизирует Надежде Андреевне и всегда садится за ее столик. Зинкин муж, Володя, каждый вечер заезжает за женой, всегда поддатый. Еще персонаж, почти член семьи – черноволосый, худой парень, – глаз от тарелки не поднимает, ест торопливо, молчит. Сидит за Олиным столиком, краснеет, когда она подходит, подолгу смотрит ей вслед. Сергей уже знал, что зовут парня Витьком, работает он телемастером, разъезжает по клиентам на небольшом пикапе «Мицубиси» устаревшей модели, живет в своем доме где-то в пригороде, не женат. Как-то они встретились глазами, случайно, когда он, Сергей, шутливо спрашивал Олю, замужем она или нет, и его поразила откровенная злоба во взгляде парня.

«Ревнует, что ли?» – подумал Сергей.

Общительный, с приятной улыбкой, он был уже своим в ресторанчике: прибывал свалившийся речной пейзаж, наставлял одиннадцатилетнего сына Зинки, Антона, и беседовал о политике с Вадимом Юрьевичем. Однажды он услышал, как Зинка сказала: «Вон Олькин мужчина мечты пришел!» – и все засмеялись, а мужчина мечты, Витек, побагровел от смущения и затравленно повел взглядом. Он интересовал Сергея все больше и больше, вызывая сочувственное любопытство, смешанное, пожалуй, с брезгливостью, которую часто испытывает здоровый, сильный и красивый человек по отношению к маленькому, жалкому и трусливому человечку.

– А где Оля? – спросил Сергей у Зинки, которая подала ему обед.

– Загуляла наша святоша, – хихикнула Зинка.

– Что ты мелешь! – одернула Зинку Надежда Андреевна. – Не вышла, заболела, наверное.

– Ха, заболела! Ты же звонила! Мобильник выключен. А тетка ее что сказала? Не ночевала дома!

– Язык у тебя, Зинаида, как помело.

– А что я? Я за правду! А то вся из себя... тьфу!

Сергей задумался. Загуляла? С кем? С Витьком? А кстати, где он? Тоже загулял? Сергей посидел еще около часа, поджидая Витьку, но тот так и не появился. Сергей не мог отделаться от мыслей об Оле. Он обладал сильно развитой интуицией, как многие люди, ведущие жизнь, полную опасностей и постоянно рискующих, что помогло ему выжить в горячих точках. Он, как зверь, знающий вкус и запах капкана, всегда чуял ловушку.

День был мягкий и неожиданно теплый для ноября. Сверху стремительно мчались белые, как пуховые перины, облака, и время от времени приоткрывались ярко-голубые небесные оазисы. Сергей недолго думая позвонил в справочную службу и спросил номер мастерской по ремонту бытовой электроники.

– Их у нас пять, – сказала женщина-оператор, – какую вам?

– Самую близкую, я на Вокзальной.

– Тогда только две, записывайте, – ответила женщина.

Набрав один из полученных номеров, он попросил Витька.

– Виктора Степановича? – переспросили в трубке.

Виктор Степанович? Вряд ли. Сергей повесил трубку. По другому номеру ответили, что Виктор Плоский с сегодняшнего дня в отпуске.

– Девушка, а он ничего не оставлял для Анатолия? – спросил он.

– Нет вроде.

– Он же обещал! И деньги взял. Черт!

– Сейчас, подождите, – сказала девушка и закричала кому-то: – Денис, тебе Витек ничего не оставлял передать? Для Анатолия? – И снова в трубку Сергею: – К сожалению, не оставлял.

– Что же мне делать? Домой к нему я уже не успею, хотя... Кстати, как до него добраться? Был как-то раз, но сейчас вряд ли найду.

– Вы на машине?

– Нет.

– Можно маршруткой до ремзавода, восьмеркой, но она редко ходит, лучше такси. Строительная, шестнадцать, собственный дом.

– Это я помню, спасибо большое.

Он дождался шести, когда народ повалил с работы. Остановка оказалась совсем рядом. Он чудом втиснулся в на-

битую до отказа маршрутку, подумав, что в последний раз пользовался городским транспортом лет двадцать назад. В этой области городского хозяйства, похоже, никогда ничего не меняется.

...Сергей не спеша шел вдоль улицы. Он чувствовал себя охотником, идущим по следу зверя... хотя какой там зверь... хорек! Дом под номером шестнадцать он увидел издали и прошел мимо, не останавливаясь, отметив, что во дворе стоит знакомый пикап «Мицубиси», а Витек суетится рядом, вынимая из багажника сумки с продуктами. Он также услышал, как женский голос окликнул Витька, и тот, дернувшись как от удара, поднял голову.

– Ты бы, Витек, зашел, – закричала толстая женщина, перевешиваясь через забор, – тарелка барахлит. Зайди, а? У меня и борщик, и котлетки, все свеженькое, только сготовила, давай, а?

– В другой раз, тетка Эмма, – буркнул Витек.

– Занят чем или гостей ждешь? – В голосе тетки Эммы сквозило любопытство.

– Ничем не занят, простыл, наверное. Голова болит.

– Ну, так я же тебе и стопочку налью. – Отделаться от тетки Эммы было непростым делом. – У меня же своя настоечка, на десяти травках настояна, с красным перчиком, всякую простуду как рукой снимет.

– Может, попозже зайду, – сдался Витек.

– Так мне ждать или как? – Эмма была разочарована, но

не сдавалась. – Ты, уж, пожалуйста, Витек, а?

– Ладно, – буркнул Витек, поднимаясь на крыльцо, отпер дверь и исчез за порогом.

* * *

Оля, связанная, лежала на его постели. Рот ее был залеплен полоской клейкой ленты. Ныло все тело и особенно стянутые веревкой кисти рук и щиколотки. Болело правое плечо, которым она ударилась о дверцу автомобиля, саднила поцарапанная скула, раскалывалась голова... от той вонючей дряни. Она прислушивалась к голосам во дворе, звуку отпираемой двери и шагам в прихожей, потом в кухне, ожидая, что он войдет и...

Вчера он подъехал к остановке, предложил подвезти, она обрадовалась и, конечно, согласилась, потому что было поздно и начинался дождь. Ей и в голову не приходило, что его нужно опасаться. Он был всегда такой робкий и стеснительный... Непростительная глупость! Она пришла в себя ночью, связанная, ничего не понимая, в чужой постели, пахнувшей несвежим бельем. Рядом спал, неслышно дыша, Витек...

Ее обдало жаром – она поняла, что раздета, в одной блузке и колготках... дыра на коленке! Он раздел ее!

«Не может быть, – подумала Оля в отчаянии, – это... дурацкая шутка, он не всерьез, так не бывает!»

Еще как бывает! Вон, в новостях все время рассказыва-

ют про маньяков и убийц... Она задержала дыхание, чтобы не разбудить спящего рядом человека, и попыталась пошевелить руками – боль была нестерпимой. В висках иголкой билась мысль: «Что же делать? Господи, что делать?»

Если он маньяк... почему она еще жива? А может, выкуп? Может, ему нужен выкуп? Смешно! Разве не видно, что у нее нет денег? Он ходил к ним в кафе, она кормила его завтраками и обедами, знала, что нравится ему... он так смотрел на нее... Бедная Старая Юля! Бедный Кирюша! Мысль о сыне и Старой Юлии, таких беспомощных и одиноких, обдала жаром.

– Господи, господи, господи... – в отчаянии шептала Оля. – Они же пропадут без меня...

...Утром он снял пластырь, развязал ей ноги и руки, повел в туалет.

– Послушайте, – с трудом выговорила Оля – онемевшие губы не слушались, – что вам нужно? Что вы хотите?

Не глядя на нее, он пробормотал что-то. Она не поняла и испугалась еще больше. Он сделал кофе. От тяжелого кофейного запаха Олю затошнило. Она представляла, как хватает что-нибудь тяжелое, бьет его по голове и убегает. Понимая, что не сможет...

– Пейте! – сказал он.

– Отпустите меня, пожалуйста, – взмолилась она, приложив руки к груди. Руки были в синяках от веревки. Она заплакала, уродливо сморщившись, всхлипывая, сглатывая гу-

стю слюну с привкусом крови.

Он не ответил. Отвел назад в спальню, толкнул на постель, связал руки, наклеил пластырь и ушел. Она с тоской прислушивалась, как он ходит, чем-то там стучит и звякает посудой. Ожидая, что он придет и... и... Дальше было страшно, и она поспешно принималась убеждать себя, что он не такой, что это нелепость, глупость, недоразумение...

Потом хлопнула дверь, и все стихло.

Он вернулся, когда стемнело. Принес тарелку с едой. Сел на стул рядом с кроватью, стал смотреть на нее... скользнул взглядом по дыре на коленке; она попыталась прикрыться... блузка была короткой... Она словно увидела себя со стороны: заплаканная, полураздетая, в синяках...

Тоска охватила Олю. Лишь бы живой... остаться. Она попыталась поймать его взгляд и, когда ей это удалось, улыбнулась. Он не ответил на ее улыбку. С психами нужно разговаривать, вспомнила она совет из какой-то книжки. О чем? О чем угодно.

– Послушай, Витек, – пересиливая себя и обращаясь к нему на «ты», начала она, – я тебя давно заметила. Ты славный парень. Все говорят! Я тебе нравлюсь? Я замечала, как ты на меня смотришь. Ты мне тоже нравишься. Ты самостоятельный мужик, сразу видно... – Слова давались ей с трудом, она говорила быстро, как в горячечном бреде, сглатывая и чувствуя привкус крови. – Ты здесь один живешь? Ты не женат?

Впервые он смотрел ей прямо в глаза, рот его приоткрылся от напряжения – он внимательно слушал. И вдруг протянул руку и погладил ее по щеке. Ладонь его была холодной, влажной и липкой. Оля не была готова к подобному жесту доброй воли, и ее передернуло от отвращения. Он сразу же убрал руку...

– Расскажи о себе...

Она заглянула ему в глаза и улыбнулась, пытаясь сгладить момент, но было поздно.

– Заткнись! – взвизгнул Витек, немедленно заводясь. В голосе его послышались истеричные нотки. – Ты! Дрянь! Шалава! Ненавижу!

Она в ужасе смотрела на его слипшиеся от пота пряди жидких волос, упавшие на лоб, на белые комочки слюны, закипающие в уголках рта, на сжатые кулаки, чувствуя, что сейчас он ее ударит...

– Сука! Дешевка! Убью!

Он кричал, пытаясь подавить страх... Да, да, ему тоже было страшно. Он метнулся к шкафу, достал с верхней полки початую бутылку коньяку и нож. Отхлебнул, запрокинув голову, чувствуя, как туманится сознание и нарастают желание, тяжесть и боль... Повертел в руках нож, тот самый, из детства... Нет... нет, он не убьет ее сразу... как ту... он может... держать ее в погребе... и каждый день... Сука! Все они... кроме мамы Лины... При мысли о матери защипало глаза, и он всхлипнул.

Оля в ужасе смотрела на его мгновенно ставшее бессмысленным лицо и белесые пьяные глаза, на нож.

– Помогите! – закричала вдруг Оля. И тогда он ударил ее рукой по лицу... еще и еще...

Он не услышал, как открылась дверь, не увидел вошедшего, а лишь почувствовал чьи-то жесткие руки, зажавшие как в тиски его голову, и вслед за этим раздался хруст ломаемых шейных позвонков, его собственных... И для него все было кончено.

* * *

– Ну все, все, успокойся, – говорил Сергей, обнимая Олю и слегка похлопывая ее ладонью по спине. – Хватит! Надеюсь, ты не собираешься зарыдать или упасть в обморок? Встать можешь? Ну-ка! Встала! – Это прозвучало как приказ. – Нам нужно убираться как можно скорее, а то с минуты на минуту сюда заявится местный летописец тетка Эмма, и тогда хочешь не хочешь, придется объясняться с ней... Надо это нам?

– Не надо, – сказала Оля, всхлипнув.

– Правильно понимаешь! Давай, поднимайся!

Оля с трудом поднялась на ноги и покачнулась. Сергей подхватил ее; она постояла несколько секунд, опираясь о его руку, потом сказала:

– Спасибо, я в порядке.

– Сними наволочку с подушки, быстро! И ни к чему не прикасайся! – прозвучал новый приказ, и Оля молча повиновалась. Она была как в тумане. Сцепив зубы и повторяя себе: «Держись! Все уже позади!» – она стащила наволочку с подушки.

– Спрячь в сумку, заберешь с собой! Сколько было пуговиц на блузке?

Оля, охнув, прикрыла грудь рукой и, подумав, сказала:

– Кажется, шесть.

– А точнее?

– Шесть!

Он опустился на колени и стал подбирать с пола маленькие жемчужные шарики. Поднялся.

– Все, уходим!

На пороге он остановился и внимательно обвел взглядом спальню.

Оля оглянулась... разобранная постель, неярко освещенная торшером под желтым абажуром, бутылка коньяку на тумбочке, задернутые шторы на единственном окне, распахнутая настежь дверца шкафа, а в центре на полу – неподвижная, маленькая, почти детская фигурка убитого человека: неестественно подогнутые ноги, руки, сжатые в кулаки, почерневшее лицо с ярко-белой блестящей полоской зубов и широко раскрытыми глазами, смотрящими в потолок. Она резко отвернулась и вышла из комнаты, сознавая, что кошмарная эта картина останется с ней навсегда.

– Здесь расходимся, – сказал Сергей, когда они свернули на соседнюю улицу. – Деньги есть? Возьмешь такси... или нет, лучше троллейбус или автобус. Завтра выйдешь на работу, скажешь, была у подруги, почувствовала себя плохо... одним словом, придумай что-нибудь. Я утром забегу попрощаться, в два у меня поезд. Не бойся, все было чисто. Тебя никто не видел. Меня, надеюсь, тоже. – Он прикоснулся губами к щеке и ушел.

Некоторое время Оля растерянно смотрела ему вслед. Когда он растворился в толпе, она, не торопясь, побрела домой. Она шла вечерними улицами города, в котором прожила всю свою сознательную жизнь, закончила школу, потом работала, потом хоронила маму...

– Мамочка, – говорила Оля, – я живая! Случилось чудо, и я – живая! Я могу ходить и дышать, я могу потрогать дерево, мокрое от дождя и тоже живое, сесть на скамейку, купить пирожок у женщины под большим черным зонтом и съесть его под дождем! Я все могу, потому что я живая! И у меня есть Кирюша и Старая Юля, и к ним я сейчас иду!

Любовь к сыну, к Старой Юле, к родному городу, даже к мокрым людям под косыми струями дождя и автомобилям со слепящими фарами охватила ее с такой силой, что она заплакала. Чем ближе она подходила к центру, тем больше лю-

дей попадалось ей навстречу. Были среди них озабоченные и беззаботные, красивые и уродливые, умные и глупые, бессовестные и честные, и каждый человек был по-своему прекрасен и удивителен, правда, часто об этом не подозревал ни он сам, ни окружающие, каждый был любимым созданием природы, каждого она наделила каким-нибудь даром, и самым главным из всех была жизнь. Они все были живыми! Но, боже мой, как же мало они зачастую ценили этот дар!

Глава 4

Кабаре «Касабланка»

Хозяином «Касабланки» был некрасивый седой человек лет шестидесяти с гаком, звали его Аркадий Котляр, или папа Аркаша, с легкой руки персонала за привычку говорить всем «дитя мое», и был он в прошлом известным искусствоведом и кинокритиком. Критиковал он в основном буржуазный кинематограф и в основном американский. В своих многочисленных статьях, написанных легко и убедительно, он доказывал преимущество соцреализма над капреализмом. А сам в это время, как тайный христианин во времена язычества, поклонялся этому самому буржуазному кино в общем и американскому в частности. Старый американский кинематограф был его любовью, а актрисы – страстью и божеством. Он знал все о Бэтт Дэвис, Грете Гарбо, Деборе Керр и многих других. Он мог без конца смотреть «Незабываемый роман» с Кэри Грантом и Деборой Керр, или «Ночку» с Гретой Гарбо, или «Гильду» с Ритой Хэйворт. А «Касабланка»! А Ингрид Бергман! А... многие другие!

Аркаша любил женщин, но в отличие от большинства мужчин, разделяющих эту любовь, он любил их, во-первых, эмпирически, визуально, а во-вторых, он прекрасно знал предмет своей любви. Знал их неверный, как пламя свечи на ветру, характер, наивную хитрость, непоследовательность,

не уставал удивляться и восхищаться женской логикой. Он наблюдал женский декоративный пол, как мудрый родитель наблюдает любимое чадо – с удовольствием, снисходительно, видя насквозь все его повадки, вранье и хитрости. И если бы ему сказали, что он – старомодный романтик, что женщины сейчас другие и меньше всего напоминают нежное балованное дитя, он только усмехнулся бы и сказал, что женщины не меняются, они все те же, только условия жизни стали сложнее, и им приходится быть агрессивными, сильными и грубыми. А вы создайте им условия, при которых они смогли бы раскрыться... и так далее, и тому подобное, до бесконечности. Женщины платили ему взаимностью, всласть рыдая ему в жилетку и опираясь на вовремя подставленное дружеское плечо, но при первом удобном случае упархивали к другому, тем не менее оставаясь с ним в самых прекрасных отношениях.

Несколько лет назад трое его братьев, преуспевающих бизнесменов, подарили Аркаше кафе, доставшееся им почти даром, в счет уплаты долга. Аркаша рос непохожим на братьев мальчиком, этаким гадким утенком, мечтателем и бессребреником, равнодушным к деньгам и всему тому, что можно купить за деньги. Деньги всегда были для него средством, а не целью. Средством для покупки еще одного фильма из любимой кинематографической эпохи или книги. Семья дружно учила его жить, в глубине души гордясь его необычностью и ореолом академизма, который придава-

ли ему многочисленные публикации и репутация ведущего специалиста. Он был экзотической приправой, придававшей остроту тяжеловесному и пресному семейному блюду. Сначала он наотрез отказался заниматься доставшимся даром кафе, и только посулы братьев не вмешиваться, не диктовать, не учить жить и дать деньги на полную реконструкцию, оформление интерьеров и подготовку собственной программы, заставили его переменить решение. Обычно мягкий и покладистый, он твердо стоял на своем, настаивая на деталях интерьера, не совместимых с точки зрения дорогого дизайнера, нанятого братьями.

– То, что вы предлагаете, дешевка, китч, балаган! Существуют же каноны! – возмущался дизайнер.

– Возможно, мне не хватает вкуса, – сказал Аркаша братьям, – но все будет или так, как я хочу, или никак. А балаган это именно то, что мне нужно. Если «балаган» честно называется «балаганом» – это прекрасно и не стыдно. А если «балаган» называется «театром музыкальной комедии», это неприлично и пошло. Я хочу именно балаган, захватывающе-интересный, раскованный и живой! – Он даже всерьез раздумывал, не назвать ли ему свое детище «Балаганом».

Как известно, все когда-нибудь кончается. И в итоге, после трех месяцев нервотрепки, скандалов и криков: «Оставьте меня в покое!», «Идите вы... со своим гребаным дизайнером!» и «Вон!» родилась «Касабланка». Вернее, родилось, потому что это было кабаре. Кабаре «Касабланка». «Бала-

ган» пришлось заменить на «кабаре», потому что, если кабаре «Касабланка» звучит приятно для слуха, то балаган «Касабланка» звучит плохо, вернее, не звучит вовсе. Название это также было победой американского классического кинематографа...

Шоу, которое Аркаша придумал и поставил в «Касабланке», было пронизано чувством ностальгии по невинной кинематографической экзотике тридцатых и сороковых, когда создавались павильонные багдадские воры и индийские гробницы, а костюмы, сшитые по его корявым эскизам, принадлежали другой, близкой по духу декоративной эпохе, любимой им за извращенно-рафинированный эстетизм и нарочитое внимание к деталям – арт нуво¹.

Он сам нашел артистов для своего шоу. Эрже Риеку, танцовщицу кордебалета, которая из-за своего скандального характера нигде долго не задерживалась и которую из-за гигантского роста всегда засовывали за чьи-то спины, придумал ей номер и не мешал самовыражаться. «РЖ» ничего общего не имеет с реферативным журналом, как можно было бы подумать, а значит «роковая женщина». Папа Аркаша любил экзотику. Риека действительно была роковой женщиной, богато одаренной природой. Кроме роста под два метра, она обладала бурным темпераментом, специфическим чувством юмора, манерой раздражаться режущим слух хохотом

---

¹ Арт-нуво (*от фр. Art nouveau*) – художественное направление в искусстве, наиболее популярное в 1890–1910 годах в Европе и США.

или скандалить по любому поводу и без; кроме того, была раскрашена, как вождь племени сиу (или какого-нибудь еще), вступивший на тропу войны. Аркаша умел с ней ладить. Замечания его во время репетиций были кратки и точны, и Риека скандалила с ним исключительно из принципа, а откричавшись, говорила деловито: «Аркаш, ну, ты гигант! Покажи еще раз!» В глубине души она была добродушной девушкой. И Аркаша, тощий и некрасивый, показывал роковой женщине Риеке позу, движение или взгляд, подсмотренный им у кинодив прошлого, перед которыми и сегодня не устоит ни один представитель сильного пола. Он склонял голову набок, чуть касаясь подбородком плеча, опускал глаза, капризно изгибал губы, держал паузу, а потом искоса метал такой взгляд-кинжал на Риеку, что, казалось, сыпались искры и появлялось пламя, делая при этом легкое движение подбородком, плечом, грудью, бедрами, и...

– Ты поняла, дитя мое? – спрашивал он Риеку.

– А ты, Аркаш, случайно не голубой? – спрашивала, в свою очередь, Риека. – Я знаю одного такого, ходит в бабском платье и выкобенивается, куда там бабе... Откуда ты все про нас знаешь?

– Наблюдаю жизнь, Риека, держу глаза открытыми, – отвечал ей Аркаша. – Ну, давай! И следи за речью. Не забывай, что ты женщина!

Он нашел Куклу Барби, простоватую пухленькую блондиночку, чистенькую и аппетитную, как молочный поросенок.

Если Риека была зловещим и воинствующим секс-символом, то Кукла Барби была просто куклой с наивными круглыми глазами, чуть слишком круглыми и чуть слишком наивными, а от невинных ее поз во время танца за версту разило невзыскательной эротикой – большего от нее и не требовалось.

И, наконец, Орlando – вялое, недокормленное существо без пола и возраста, с бледным, невыразительным, каким-то сонным лицом, напоминающее механического человека изломанной походкой и дергаными движениями, возможно, в силу многолетнего пристрастия к сильнодействующим возбудителям. Орlando был наделен, или *наделено*, совершенно изумительным талантом перевоплощения и подражания голосам. После небольшого перерыва, когда свет прожектора снова падал на сцену, там, в белокуром паричке, белом открытом платье, слегка расставив красивые стройные ноги в туфельках на высоких каблучках, в позе, классически-узнаваемой из-за миллионов фотографий, заполонивших мир – одна рука придерживает взлетающий от сквознячка подол платья, другая поправляет волосы, – стояла вечно юная и вечно желанная прекрасная кинобогиня Мерилин! Даже те, кто был готов к этому, не могли удержаться от восторженного и радостного рева и аплодисментов. А потом Орlando пел ее голосом, негромким, сладким, как патока, с характерными придыханиями...

Аркаша слушал со слезами на глазах. Он был счастлив –

осуществилась его мечта: поставить свое шоу, не идейно-выдержанное и пресное, как в старые недобрые времена, или неприлично-развратное, как во времена вседозволенности и беспредела, а совсем-совсем другое: красивое, легкое, с флером утонченной эротики.

«Касабланка» открывалась в девять вечера, концертная программа начиналась в одиннадцать и продолжалась около двух с половиной часов, а к трем утра публика расходилась. Сигналом к началу спектакля служил меркнувший свет большой центральной люстры. В течение нескольких минут зал освещался лишь свечами в круглых полых шарах разноцветного стекла. Разноцветные шары придумал сам Аркаша и страшно ими гордился. Зрелище действительно получилось радостным и карнавальным. Потом вспыхивали софиты, и на сцену вихрем вылетали восемь девушек, «резвых кобыл», по определению Риеки, глубоко декольтированных, в ореоле страусиных перьев и, шурша жестяными яркими юбками и задирая выше головы хорошенькие ножки в чулках со швом, принимались отплясывать канкан. Публика, затаив дыхание, следила за феерическим зрелищем, а когда они, отплясав, одна за другой с размаху усаживались в шпагат, а потом отстегивали атласные подвязки и бросали их в зал, взрывалась восторгом.

Разогретая подобным образом публика получала следующий номер программы – Богиню Майю, то бишь Риеку. Потом – Орландо, и на десерт розовую конфетку-нимфетку

Куклу Барби. Затем, до самого закрытия, по залу с микрофоном бродила «ночная бабочка» – безголосая тощая Кирка Сенько, – и шептала-пела прокуренным басом, не без шарма, однако, известные и неизвестные стихи «серебряных» поэтов. Но это уже вне программы, само по себе, как деталь интерьера, равно как и мягкая неназойливая музыка и незаметная глазу игра света: каждые восемь-десять минут освещение в зале менялось: лиловый свет сменялся темно-желтым, зеленый – розовым. Время от времени кто-нибудь с удивлением замечал, что свет изменился – стал темно-розовым, а был, кажется, оранжевым.

Гости ужинали, пили, обсуждали дела. Были среди них спокойные, солидные, богатые, не разбогатевшие, а именно богатые изначально люди, знающие себе цену, свой клан, вылезшие из подполья, опутавшие своими щупальцами страну, делающие деньги и диктующие политику. Были эстетствующие интеллектуалы-западники. Образованные нувориши с рафинированным вкусом. Иногда заявлялись шумные братки в поисках разухабистого шалмана, но быстро разобравшись, что к чему, тихо убывали гулять в другое место.

Пианист, крупный мужчина с породистым лицом молодой, уставшей от жизни лошади и длинными седыми кудрями, одетый во фрак с бабочкой, мягко перебирал клавиши рояля, на крышке которого стоял серебряный шандал на пять свечей и бокал шампанского. Время от времени официант приносил полный бокал и незаметно убирал пустой.

А в самом конце, когда гасли огни и расходилась публика, бережно провожал отяжелевшего тапера к заказанному заранее такси, называл адрес и расплачивался с шофером. На сегодня – все, можно по домам.

Аркаша любил эти часы раннего утра, непривычно тихие и спокойные, когда можно походить по пустым комнатам, проверить замки на дверях и окнах, выключить свет и, наконец, усесться с чашкой чая и сухариками и расслабиться, перебирая в памяти детали прошедшего вечера. Он с удовольствием рассматривал зал, вспоминая упрямого дизайнера: высокие деревянные панели в тон паркету, темно-зеленая ткань, затягивающая стены от панелей до потолка, и любимые картины: две хорошие копии Тулуз-Лотрека, несколько эскизов театральных костюмов Бакста и четыре акварели, изображающие традиционные маски венецианского карнавала, с черно-белым ромбическим узором, повторяющемся в трико Арлекина, плитках пола и переплетах стрельчатых окон. В левом нижнем углу стояли две буквы «К» – подпись художника. На всех рисунках присутствовала скорчившаяся фигурка Арлекина, подглядывающего, подслушивающего, со ртом, распяленным от уха до уха в нехорошей улыбке... как предупреждение неосторожным: «Бдите!» И хотя художник всякий раз помещал его то сбоку, то сзади, а на одном из рисунков вообще оставил от него лишь половину туловища и часть головы с приставленной к уху ладонью, свернутой ракушкой, он тем не менее, казалось, олицетворял со-

бой дух карнавала, придавая ему зловещий смысл коварства, предательства и пира во время чумы.

– Жуткие картинки, – сказала как-то Риека. – Где ты их взял?

– Набрел случайно, продавала старая женщина, остались от внука.

– А внук где?

– Кажется, уехал. Или умер.

– Неудивительно! Кто рисует такое, долго не протянет.

– Возможно. Люди, так трагически чувствующие, рано уходят.

– Их было только четыре?

– Нет, девять.

– И все такие же?

– Все. Карнавал в Венеции.

– А где они?

– У меня дома.

– У меня от них портится кровь. Они же подсматривают за тобой!

– Мы все на карнавале масок, моя несравненная Риека, и никогда не знаешь, кто под маской – друг или враг и кто воткнет нож тебе в спину. Но я, будучи оптимистом, с ним не согласен, – сказал с улыбкой Аркаша. – Мир ни хорош ни плох, он просто есть, существует, и принимать его нужно именно так. Жить честно, не иметь дела с негодями и надеяться, что тебе повезет. Жизнь потрясающе интересна

и неожиданна.

– Скучно говоришь. А борьба? А драка?

– А разбитая морда?

– И пусть! Ты ведь тоже можешь вмазать.

– Наверное, не могу. И никогда не мог, к сожалению. А о чем, собственно, речь? О картинах или разбитых мордах? Этот «КК» замечательный художник. И самое интересное, что звали его Александр Сухарев.

– А при чем тут «КК»?

– Не знаю, мое дитя. Загадка.

* * *

...В центре подиума неподвижная исполинская фигура богини Майи. На голове ее ажурная, усыпанная блестками шапочка-корона сложной конструкции, – от малейшего движения головы – по всему залу стремительные блики; на груди и бедрах две узкие золотые полоски ткани с длинной бахромой; блестящие браслеты покрывают руки от кистей до плеч, на щиколотках – браслеты с бубенчиками.

– Слишком много бижутерии, – признался однажды Аркаша, – но при твоём росте, Риека, сойдет. Что бы мы без тебя делали?

Ноги Майи расставлены и полусогнуты в коленях, ступни босых ног разведены в стороны, руки с поразительно красивыми кистями сомкнуты над головой, глаза на раскрашен-

ном лице закрыты. Поза – нераспустившийся тюльпан. Тишина. Публика затаила дыхание в томительном ожидании. Тишина. Напряжение достигает пика и кажется, что сейчас произойдет взрыв и все повскакивают с мест, крича и бессмысленно размахивая руками. Вдруг, как всегда неожиданно, раздается низкий глухой густо-вибрирующий звук-стон – ударили в большой тяжелый гонг. Звуковая волна, по-шмелиному гудящая, еще угасает где-то в деревянной обшивке, когда раздается музыка, ритмичная и заунывная из-за вплетающегося в узор мелодии нежного и тревожного звука индейской флейты. Сначала тихая, она постепенно нарастает. И Майя оживает.

Запись инструментального трио «Аgua Clara», что в переводе значит «Прозрачные воды», Аркаша привез из Мексики. Наткнулся он на трех малорослых местных ребят, играющих на гитаре, флейте и крошечной гитаре шаранго, прямо на улице и сразу понял, что эта музыка создана для Риеки. Очарованный, он долго стоял, вслушиваясь в древние индейские мелодии, где были тропический ливень и водопад, и вскрик птицы, и шум ветра, а потом скупил у обрадованных музыкантов все записи.

Риека-Майя ласкающими движениями рук касается плечей, груди, плоского живота. Бедро ее при этом ритмично, в такт мелодии, движутся, имитируя любовный акт, колени разведены в стороны... Она запрокидывает назад голову, по телу ее словно пробегают волны... Она напоминает стоя-

щую на хвосте и раскачивающуюся очковую змею... Короткие волнообразные движения золотой бахромы завораживают зал... И музыка, будоражащая, древняя, музыка первочеловека-охотника с копьем, затаившегося во враждебном лесу, готового убить или быть убитым... тревожные ритмы и острое чувство опасности... от которого учащается пульс, перехватывает дыхание, закипает кровь в жилах, нарастают возбуждение и желание...

Тело танцовщицы поражает гибкостью, бескостными кажутся ее гибкие руки. Медленные движения вдруг сменяются стремительными, резкими и неистовыми, и в какой-то неуловимый момент вдруг летит в зал, сверкнув в свете прожекторов, тонкая золотая полоска, прикрывавшая грудь... Зал выдыхает «Ах!» – и на секунду переводит глаза на счастливец, который с безумным выражением лица прижимает к губам теплый живой комочек ткани – змеиной шкурки, вдыхая ее аромат. А танец продолжается. Одна рука женщины ложится на плоский живот, медленно соскальзывая вниз, другая прикрывает обнаженную грудь... Долгое томительное мгновение – и вторая золотая полоска летит в зал, короткая схватка, и победитель, крупный мускулистый парень, помахав добычей в воздухе, прячет ее во внутренний карман пиджака. Кажется, женщина на сцене обнажена, но нет – под золотой полоской оказывается еще одна, совсем узкая, крошечный треугольник, кленовый листок, который удерживают на бедрах тонкие черные шнурки...

Продолжая свой змеиный танец, Риека медленно просовывает под них указательные пальцы и резким движением разрывает... кленовый листок золотой монеткой летит в темный зал. Под ним еще один, и так до бесконечности.

Свет меркнет, а Риека продолжает двигаться в ритме музыки, замедляя движение... Звучит удивительная мелодия «Рисунки Наски», медленная, тягучая и монотонная, такая же монотонная и однообразная, как свист ветра или шелест песка в пустыне Наска... где, говорят, тысячу лет назад приземлились чужие корабли из космоса...

Риека замирает. Богиня Майя пришла и принесла с собой жизнь и желание. А теперь она уходит... Голова склонилась на грудь, глаза закрылись, колени полусогнуты и разведены в стороны... Прощальный грустный звук флейты... как вскрик. Все!

Риеке удавалось так распалить публику, разбудить в ней такое неистовое желание, что разум в ужасе замолкал, и на смену ему, как дикарь из колючего кустарника, продирался мощный первобытный дремучий инстинкт. Под его напором тонкая скорлупка – создание человеческой цивилизации – трещала по швам и осыпалась, как жалкая штукатурка, являя миру уродливое рычащее создание, Франкенштайна, созданного не человеком, а Природой, с налитыми кровью глазами и наделенного одним-единственным желанием: оплодотворить самку! Они топали ногами, размахивали руками, лезли на сцену, кричали, не помня себя, и если бы не выши-

балы, то Риеку стащили бы со сцены и растерзали.

Потом выключались прожектора, зажигалась огромная люстра, пианист с породистым лицом начинал наигрывать неторопливо, и все постепенно приходили в себя, восстанавливали дыхание, и возвращались к прерванному ужину, чувствуя приятную расслабленность в теле. А Риека уходила к себе, выпивала залпом несколько чашек холодного зеленого чая, ложилась на диван и проваливалась в глубокий сон.

* * *

В один из вечеров за столиком в «Касабланке» сидел наш старый знакомый Арнольд с приятелем-качком, которому он задолжал значительную сумму. Отдавать было нечем, и он пригласил качка поужинать в «одном приятном местечке». Искоса поглядывая на приятеля с отвисшей челюстью, он пришел к выводу, что договориться об отсрочке, пожалуй, удастся.

– Нравится? – небрежно спросил он во время выступления Куклы Барби, с которой его связывала нежная дружба. Качок, судорожно сглотнув слюну, кивнул. – Могу познакомиться. Телка что надо, без предрассудков...

Глава 5

Марта и ювелир

Центральный рынок в это майское утро был чист, влажен и промыт теплым ночным дождем. Было тихо и солнечно, и мягчайший прохладный ветерок приносил откуда-то издалека запах цветущего луга, реки и бензина. Торговать и покупать в такое утро одно удовольствие. Покупатели, деловитые, озабоченные, сознающие важность и серьезность момента, заряженные энергией ожидания удачной покупки, заполняли длинные деревянные ряды рынка, где оживленно переговаривались, делились новостями, сплетничали, завтракали и пили чай торговцы, которые, казалось, никогда не покидали насиженных мест и ночью спали тут же.

Здесь было все: одежда, обувь, еда, мех, золото, ковры, обои, краски, кожа, мебель, даже антиквариат. Костюмы, платья и джинсы с ярлыками известных фирм, золотыми пуговицами, пряжками, заклепками и качеством до первой стирки или первой химчистки, сработанные местными умельцами, выглядели достовернее подлинной фирмы. Кожаные ряды и мех – филиал стамбульского базара – с товаром на все вкусы и возрасты, для младшего, глупого поколения, которому лишь бы поярче, пошире, позакovskyристее, и для старшего, приверженного строгим классическим линиям, никогда не выходящим из моды.

Тут же снуют озабоченными водомерками сомнительные личности, небритые, с миндалевидными глазами. Непременно кружат пьяные, бессмысленно-краснорожие субъекты, возможно обворованные или одураченные в карты – жертвы подпольного базарного казино. Танцующей походкой скользят в толпе смуглые женщины в цветастых шальях и пышных юбках, быстрые, сообразительные и бесцеремонные, с замурзанными юркими детишками, уцепившимися за материнские подолы.

А вот волшебники с заговоренной водой, травами, кореньями и грибами от сглаза, живота, рака, бесплодия, судорог, зубов и несчастной любви. Дальше – торговцы живым пушным товаром: испуганными нутриями, кроликами и норками. В углу у забора, на котором висит пестрый синтетический ковер, играют в наперсток. И хотя техника наперсточного обмана тысячу раз уже описывалась в популярной литературе, всегда найдется какой-нибудь лох с растерянной физиономией, которого обманули так легко, так быстро и так явно, что начисто лишили возможности утешаться хотя бы мыслью об имевшей место интеллектуальной схватке, в результате которой он, к сожалению, проиграл – с кем не бывает!

В дальнем углу – блошинный рынок, или толкучка, или попросту туча, – где торгуют старым барахлом: патефонами, облезшими шубами, керосиновыми лампами, тусклой бижутерией, потускневшими зеркалами и облезшими абажурами.

И многим, многим другим, что не сразу придет в голову.

Молодая женщина, с которой мы уже знакомы, жена Арнольда Марта, в пестром костюмчике и темных очках, с любопытством оглядываясь и прижимая к себе сумочку, пробиралась через дышащую, трепещущую и функционирующую, как единый гигантский организм, толкучку, от главных ворот к восточной стене, туда, где помещался цех ювелиров-кустарей. Она шла вдоль палаток, похожих на собачьи будки; в окнах виднелись блестящие лысины умельцев с моноклем в глазу. Там увлеченно стучали крошечные молоточки, нагревались на огне горелок тигели, плавилась и смешивались до нужной кондиции благородные металлы. Образцы продукции висели за стеклом на крошечных стендах: крестики, обычные и необычные, вроде мальтийского, чистого металла и с камешками: бирюзой, сердоликом, агатом; перстеньки, цепочки и обручальные кольца.

Марта остановилась перед одной из будок, рассматривая серебряный медальон, старинный на вид, овальной формы, усыпанный мелким речным жемчугом и бирюзой, и подвеску ажурного плетения с кораллами. Рассмотрев подвеску, Марта постучала в окошко. Окошко распахнулось, и она сказала:

– Здравствуйте! Эти вещи у вас на витрине, вы их сами сделали?

– И вам здравствуйте, – отвечал ей мужчина лет сорока, с крупной головой и внимательными темными глазами. – Все эти вещи, как вы сказали, сделал я сам! Нравятся?

– Очень! – искренне похвалила Марта.

– Чем могу служить?

– Мне поговорить, – серьезно сказала Марта.

– Это можно, заходите, – пригласил человек. Он скользнул взглядом по сторонам и открыл дверь будки. – Садитесь.

– Вот! – Марта вытащила из сумки крошечный замшевый мешочек, достала из него подвеску-кулон.

– Вещь, прямо скажем, редкая и ценная. Ценнейшая! Ей место в музее, как я понимаю. – Ювелир отставил в сторону монокль. – Я за всю свою жизнь ничего подобного не видел! Ей лет сто, не меньше. Бабкина?

– И мне очень нравится, – сказала Марта, порозовев от удовольствия. Они молча рассматривали красивую изящную вещицу, лежавшую на грубой, в ожогах, ладони мужчины. – Бабушкина.

– Наденьте, пожалуйста, – попросил ювелир. – На женской нежной груди это будет просто чудо!

Вспыхнув, Марта послушно надела кулон.

– Боже! – сказал мужчина тихо. – Я не знаю, то ли вы ее украшаете, то ли она вас...

Он не мог отвести взгляда от прекрасного, тонкой работы украшения: крупного, красного, грушевидной неправильной формы рубина с фиолетовым мерцанием глубоко внутри, оправленного в тонко переплетенные нити из платины, с алмазами, словно капли воды стекающими по периметру оправы: наверху мелкие, книзу покрупнее, и в са-

мом низу, уголком, – три больших. Рубин покоился в нежной смуглой ложбинке на груди Марты, отбрасывая теплый лучик на кожу. Акцент был сделан на неправильной форме рубина, довольно крупного, каратов шестнадцати-семнадцати. Художник-ювелир не решился разрезать его или подровнять, а, лишь слегка отшлифовав, оставил ему первозданный вид. Величина и неправильная, неровно-продолговатая форма драгоценного камня делала кулон уникальным, а потрясающая игра света и тени в его глубинах завораживала.

– А можно спросить... – Ювелир замолчал. Марта смотрела выжидающе. – Вы хотите его продать? Я могу найти покупателя.

– Ну что вы, нет! Конечно, нет, – улыбнулась Марта. – Мне нужна копия кулона.

– Что? – не понял ювелир.

– Копия! Мне нужен точно такой.

– Это невозможно, – сказал ювелир. – Точно такой сделать невозможно.

– Я имела в виду похожий, – поправилась Марта. – Я же понимаю. Просто похожий, с другим камнем и в серебре. Возьметесь?

Мужчина медлил с ответом, не в силах отвести взгляда от красного камня. Он вдруг осознал, как убого выглядит его мастерская и он сам, несмотря на неплохие руки, способности и заработки, и вся его жизнь, которой еще вчера, нет, еще полчаса назад, он был вполне доволен. Все померкло те-

перь. Проклятый камень! А ведь и он мог бы так! Во всяком случае, не хуже.

– Это будет недешево стоить, – сказал он наконец.

– Конечно. – Марта улыбнулась. – Я заплачу, сколько скажете. Но... – Она замялась и покраснела, боясь, что мужчину могут обидеть ее слова. – Я хочу, чтоб вы работали в моем присутствии.

– Пожелание заказчика – закон! – ответил ювелир, несколько не обидевшись. – Будете меня развлекать во время работы, рассказывать что-нибудь или читать газету. Одно «но»...

– Что?

– Я не могу работать здесь! Сюда приходят разные люди, и видеть вашу вещичку им не обязательно.

– А где?

– У меня дома. Согласны? И давайте сразу договоримся о цене и материале. Я могу сделать кулон из белого золота, он будет лучше смотреться, тоньше и красивее, а камень – можно гранат. Вместо алмазов можно фианиты... Хотя нет... я тут еще попрошаю, может, найду белые сапфиры или аквамарины... в крайнем случае, австрийский хрусталь. Все лучше будет. Я подберу похожую форму и цвет... Согласны?

Он, казалось увлекся идеей посоперничать с неизвестным мастером... А почему, собственно, неизвестным? Он заметил клеймо ювелира на обороте подвески, в самом верху, что-то вроде «Holms» с затейливым росчерком в конце... на-

до будет найти это клеймо по каталогу. Не может быть, чтобы такой мастер остался незамеченным.

– Согласна, – ответила Марта, – пусть будет, как вы скажете. Вы лучше знаете, чем я. Спасибо вам большое!

– Пока не за что! Вот закончу... но учтите, это будет совсем другая вещь.

Марта улыбнулась:

– Я уверена, это будет все равно красиво.

Глава 6

Сергей и Оля

Оля неторопливо шла домой, раздумывая, чем бы заняться завтра. Можно генеральной уборкой с мытьем окон и балкона – уже второй день стоит прекрасная солнечная погода, а затяжной дождь наконец закончился, небо прояснилось и пришло лето. Еще можно привести в порядок одежду – проверить пуговицы, постирать, погладить, отнести что нужно в химчистку. Непременно позвонить Старой Юле и Кирюше. Как они там? Она вспомнила свой последний приезд домой, как они радовались подаркам, и непонятно, кто больше... Старая Юля становится совсем старой, сдает на глазах, а Кирюша, наоборот, очень подрос и стал совсем взрослым. Иногда Оле кажется, что он сообразительнее Старой Юли. Оля вздыхает. Она постоянно о них думает и пользуется малейшей возможностью навестить. Привозит деньги, одежду, что-нибудь вкусненькое. Старой Юле – финскую маринованную селедку в банке, Кирюше – очередной крошечный коллекционный автомобильчик хотвилз и конфеты. Остается с ними на целый день, а то и на два или три дня. Они ходят в парк на карусель, и в кино, и в детское кафе-мороженое. Старая Юля и Кирюша неприхотливы и рады всему, а она, чувствуя свою вину, готова на все, чтобы их порадовать. Она врет им, что нашла хорошую работу в Зареченске и ко-

гда-нибудь заберет их к себе. Они верят и терпеливо ждут, и только Кирюша время от времени спрашивает: «Ма, ну скоро уже поедем к тебе?» Они провожают ее до автобуса, а потом долго стоят и смотрят вслед. Она оглядывается, не в силах отвести взгляд от двух фигурок...

Навещая их, она каждый раз со страхом ожидала, что Старая Юля сообщит ей, что ее разыскивали. Но все было тихо, никто ею не интересовался, и она постепенно стала успокаиваться. Ей хотелось навестить Зинку и Надежду Андреевну, но она не решалась. По той же причине – боялась услышать, что приходила полиция, расспрашивала о Витьке, да и о ней тоже... Нет уж, лучше держаться от них подальше.

Тогда, в ноябре, на другой день, он пришел к ним в кафе попрощаться, принес цветы, поцеловал ее при всех, сказал, что позвонит. Потом, когда он ушел, Зинка сказала, как ей показалось, с завистью: загуляла, мол, с мужиком, тихушница, так бы и сказала, а то и соврать-то толком не умеет. На что Надежда Андреевна ответила, что это ее, Оли, личное дело, а что соврать не умеет, так это потому, что честная, не то что некоторые, которым соврать – раз плюнуть...

Через несколько дней Зинка принесла страшную новость об убийстве Витька. С душераздирающими подробностями. Якобы нашла его соседка, которая забеспокоилась, пошла проведать, а дверь была открыта, она вошла, звала и кричала, но никто не отзывался, а потом в спальне она увидела... Витька, мертвого, убитого и задушенного. Соседкой была

все та же вездесущая тетка Эмма, которая много лет назад обнаружила мертвого Петровича. Такое было ее счастье...

Оле тогда показалось, что она потеряет сознание от ужаса... К счастью, никто на нее не смотрел в ту минуту. Она с тоскливым страхом ожидала, что придут люди из полиции, будут их расспрашивать... Она совсем не умела лгать и, когда все-таки приходилось, в жизни не без этого, страшно переживала и стеснялась. Она еще долго репетировала, как будет рассказывать, где была и с кем... Она почти не вспоминала ту ночь и убийство Витька. Ее мысли были заняты одним – как она это скажет, какими словами и какое у нее будет выражение лица, чтобы не выдать себя и не дай бог Сергея.

Но время шло, а к ним в кафе никто не приходил, да так и не пришел. Разговоры о Витьке постепенно сошли на нет, а потом и вовсе прекратились. Изредка кто-нибудь интересовался, не нашли ли убийц. Прошел было слух, что Витька примерно в это время искал парень по имени Анатолий; потом, что в погребке у Витька была закопана женщина; потом, что убийцу, кажется, нашли, что оказалось неправдой... Время от времени кто-нибудь философски замечал: «Был человек и нет человека! Вот она, наша жизнь!» И все.

Сергей позвонил, когда она и ждать перестала, почти через полтора месяца, в конце декабря, и пригласил к себе, в соседний городок Зареченск. Оля не знала, хочет она ехать к нему или нет... Нет, пожалуй. Она была ему очень благодарна, если бы не он, страшно подумать, что с ней было бы! Она

помнила, как деловито он все вокруг осматривал, подбирал с пола пуговички от ее блузки, не обращая ни малейшего внимания на убитого человека, и эта деловитость смущала ее...

Уже потом, когда они были вместе, она как-то спросила его, почему он не вызвал полицию, зачем нужно было убивать... Сергей ответил, что такие подонки, как Витек, не имеют права на жизнь, что он бы ее убил, замучил до смерти. А если бы он сдал Витька ментам, то, может, и до суда бы не дошло... ведь не убил же! Может, и не собирался, а наоборот, влюбился парень, потерял голову, поди, докажи. И выпущенный на свободу Витек через некоторое время нашел бы себе другую жертву.

...Они стали жить вместе. Впервые у Оли было много денег. Сергей был щедрым человеком, давал деньги не считая. Сначала ей было неловко, потом она убедила себя, что, раз дают, надо брать. Экономя, она ухитрилась откладывать деньги для Кирюши и Старой Юли. Их радость при виде подарков была намного важнее. Ей было хорошо с Сергеем, и она не задумывалась, что же будет с ней дальше. Все зависит от него. Вообще все в жизни теперь зависит от него.

По прошествии какого-то времени она могла уже без содрогания вспоминать Витька и перебирать в памяти все мельчайшие детали: его голос, срывающийся на визг, комочки слюны в уголках рта, холодные липкие руки. Она понимала, от чего спас ее Сергей, и знала, что, если ему понадобится ее помощь, она пойдет красть, или продавать себя,

или может даже... убьет кого-нибудь! Иногда ей казалось, что она как личность закончилась и существует только в виде придатка к нему, обеспечивая ему комфорт, готовя любимые блюда, стирая и убирая. Ее желания и мысли были не существенны, планов на будущее она не строила. Все будет, как захочет он. В глубине души она понимала, что превращается в растение, но это ее не трогало. Вот только Кирюша... Ему нужен дом и она, Оля.

Была ли это любовь? Возможно. Любовь может принимать разные формы. Иногда очень странные. Витек тоже ведь по-своему любил ее. Так и она любит Сергея... как собака хозяина. Иногда что-то в ней бунтовало, и ей хотелось кричать и бить посуду. То вдруг просыпался интерес к жизни, и она подолгу рассматривала себя в зеркале, надевала новые платья, купленные на деньги Сергея, по новому причесывалась, становилась надрывно веселой и жизнерадостной. Они шли в ресторан или на концерт. На нее смотрели мужчины, и ей нравились эти взгляды... а потом порыв угасал, на смену ему приходило чувство тревоги и печали. Она казалась себе некрасивой, неловкой, неинтересной. И недоумевала, что же он в ней такое рассмотрел? Сергей был видным парнем, уверенным в себе, сильным и... опасным. Она помнила, как он легко убил Витька... как жука... как муху...

Она не знала, чем он занимается, и не стремилась узнать. Он часто исчезал на несколько дней, а однажды на целых три недели; иногда внезапно, лишь оставив короткую запис-

ку или позвонив, что уезжает и вернется через пару дней. Когда ему звонили, Сергей говорил в трубку: «Да. Нет. Понял. Сделаю. Перезвоню, когда вернусь». После чего, словно поднятый по тревоге, хватал спортивную сумку с самым необходимым, всегда стоящую наготове, и уходил. Его собранность, жесткая дисциплина – он делал гимнастику, не пил и не курил, бегал кроссы, был способен просыпаться от малейшего шороха или не спать вовсе, – говорили, что работа его была не для слабонервных. В результате контузии, полученной где-то в «горячей точке», его мучили сильнейшие головные боли, и он часами лежал неподвижно, боясь пошевелиться, бледный, с белыми от боли глазами, ожидая, когда пройдет приступ. Из его друзей к ним приходил лишь один Женя Костенко. Боевой братишка, называл его Сергей. И они позволяли себе расслабиться, напиваясь до потери сознания. Она оставляла их одних, уходя в кино или бродила по городу, если позволяла погода.

Сергей научил ее водить машину; по его звонку она встречала его несколько раз в разных местах. Один раз ей пришлось гнать машину около трехсот километров до другого города, и он до смерти напугал ее, так как вывалился из кустов в условленном месте грязный, страшный, небритый, с окровавленной рукой, перевязанной какой-то тряпкой. Он водил ее в тир, и они стреляли там. Она смотрела на его лицо – каменно-жесткое, и прищуренные глаза... и думала, что точно так же он стрелял по живым мишеням, а может быть,

стреляет и сейчас. Иногда она звонила по его поручению и принимала звонки, не понимая смысла сказанного. Он мог на нее рассчитывать, и они оба знали это.

Она жалела его. Да, да, она его жалела! За постоянный риск, за то, что прошел войну, не имел семьи, жил как волк-одиночка. За головные боли. За страшную тайную мужскую жизнь, о которой она не столько знала, сколько догадывалась, изо всех сил пытаюсь облегчить ему эту жизнь. А когда-нибудь потом... может, он поймет, что она для него значит, и они, может быть... куда-нибудь уедут и начнут жизнь сначала.

А как относился к ней Сергей? Хорошо, наверное. Он был сдержан и немногословен.

– С тех пор как ты со мной, у меня есть дом, – сказал он ей однажды. – У нас все будет, – сказал он в другой раз, – дай мне немного времени.

И это было равносильно признанию в любви. Просто одному человеку для признания нужно много слов, а другому достаточно двух или трех.

– Ты настоящая жена солдата! – Разве это звучит хуже, чем, допустим: – Я люблю тебя, я схожу с ума по тебе, я готов умереть за тебя!

Он часто делал ей подарки: духи, золотые сережки, кольцо с бриллиантиком... Значит, любил?

...Уже стемнело, когда Оля подошла к дому. Она вошла в аллею больших старых лип. Темно-зеленые их ветки смяг-

чали льющийся сверху тусклый свет уличных фонарей. От самого крайнего дерева отделился человек и шагнул к ней. Оля нерешительно замедлила шаг, но тут же с облегчением узнала Сергея и удивилась – когда же он успел вернуться? Сергей взял ее за руку и потянул к себе.

– У нас неприятности, Заяц, – сказал он вместо приветствия, – нужно уходить. Домой нельзя. Я жду тебя уже около двух часов. Слава богу, ты пришла.

В его голосе, обычно сдержанном, звучали непривычно теплые нотки, словно он сожалел о том, что происходит. Оля испуганно смотрела на него.

– Не бойся. – Он слегка сжал ее плечо. – Мы пробьемся. Ты только помни, я ни в чем не виноват, и ничего себе не выдумывай! Возьми. – Сергей протянул ей большую сумку. – Здесь новый мобильник, твои вещи, не знаю, те ли взял, я в женских вещах не сильно разбираюсь... и оружие, твой сувенирный пистолет. – Он улыбнулся, стараясь подбодрить ее. «Сувенирным пистолетом» они шутя называли бразильский револьвер «Magna Charta», изящную дамскую игрушку белого металла с деревянной рукояткой, подаренную Сергеем на день ее рождения.

– Вот деньги, на первое время хватит, вот ключи от машины, она стоит во дворе шестого гастронома, серый «Шевроле», прокатный, на твое новое имя, права, и, самое главное, держи свой новый паспорт. Отъедешь от центра, остановишься и рассмотришь его. Поняла? Поедешь в Н., это

триста километров отсюда. На последней страничке карандашом записан номер телефона, позвонишь оттуда, скажешь, где оставила машину. Ничего не бойся! Я тебя найду! – Он говорил быстро, но спокойно. – Ты вообще здесь ни при чем, не думаю, чтобы тебя искали. Поедешь по Стрелецкой дороге, до Сташевки, затем по старому мосту через Донку... Если остановят, не бойся, документы у тебя в порядке. И помни: я тебя найду! У нас еще все впереди. Будь осторожна! Иди! – Он на короткий миг прижал Олю к себе, и она почувствовала, как гулко бьется его сердце, потом оттолкнул от себя и повторил: – Уходи!

Оля, плохо соображая, что происходит, послушно взяла сумку, сунула деньги и документы в карман плаща и вопросительно посмотрела на Сергея – а как же...

– Иди же! – подтолкнул ее Сергей. – Пожалуйста!

И она пошла. Непослушными ногами. Мимо дома, в сторону гастронома номер шесть. Когда через несколько минут она оглянулась, Сергея уже не было. Хозяйственная сумка, в которой она несла продукты, так и осталась сиротливо стоять под деревом.

* * *

...Шоссе было пустым. Редкие автомобили пронеслись по встречной полосе, ослепляя ее светом фар. Сейчас все ездят по новой объездной дороге. Оля старалась не думать, что

ее могут остановить и, не дай бог, обыскать. Деньги, оружие, паспорт на чужое имя... Неужели это она, Оля Никольская? Или это дурной сон, который исчезнет, стоит ей только крепко зажмурить и снова открыть глаза... Она зажмурилась, машину слегка занесло, и Оля испуганно повернула руль. Через открытое окно проникал свежий влажный воздух, пахнущий луговыми травами.

– Я – лист, – подумала вдруг Оля, – и несет меня неизвестно куда.

Ей пришло в голову, что она могла бы поехать к своим, и она уже готова была повернуть обратно, но тут ей пришло в голову – если будут искать, то, чем дальше она будет от них, тем лучше. Она сейчас как птица, отвлекающая лису от гнезда. Куропатка. Она всхлипнула неожиданно для себя.

– Прекрати ныть! – приказала себе. – У тебя нет выбора, а потому, давай, действуй и не вздумай разреветься!

К утру, если все будет в порядке, она доберется до Н., позвонит по телефону, сообщит, где оставила машину. Ключ оставит в замке зажигания и уйдет. Самое главное – деньги! Денег много, целая пачка. Деньги – это свобода, как любит повторять Сергей.

По обе стороны шоссе тянулись поля и перелески. Майская ночь была теплая, мягкая и темная, в воздухе пахло грозой. Май – самый прекрасный месяц года, месяц-обещание, месяц-надежда, когда так много еще впереди... Ее май уже прошел. Ей уже тридцать один. По природному календарю

это, наверное, июль, даже конец июля... Тридцать один – и ни семьи, ни гнезда... Оля вздохнула. Но тут же снова одернула себя – не расслабляться! Главное – не наткнуться на дорожную полицию, не попасть в аварию и убраться как можно дальше от города. Скоро полночь, она в пути уже около трех часов. Время работает на нее.

Оле вдруг показалось, что сзади ее догоняет автомобиль, мелькнул и погас свет фар. Ей стало страшно. Остановиться и подождать? Пусть проедет. Она одернула себя – прекрати истерику! Но страх нарастал. Если бы хоть ночь была светлая, а не такая мрачная – вот-вот пойдет дождь. Просто удивительно, ведь день был такой ясный! Крупные капли дождя внезапно забарабанили в ветровое стекло. Оля вздрогнула. Машину слегка занесло.

Сергей часто повторял ей, что в первые минуты дождя дорога делается скользкой и особенно опасной. Оля сбавила скорость, ожидая, что та машина обгонит ее, и, вцепившись в руль, напряженно всматривалась в мокрую дорогу, изредка взглядывая в зеркало – дорога сзади была пуста. Никого.

Рывкнул гром, и она вскрикнула. Дождь полил как из ведра. Первая майская гроза... Олина тревога нарастала. Почему *тот* не обгоняет ее? Она видела красные огоньки фар. Может, спрятаться в лесу и переждать? Но ведь он прекрасно ее видит! Но если это погоня... он запросто мог ее остановить! Фу, какие глупости! Она полдороги проехала по пустому шоссе, сейчас по этой дороге вообще никто не ездит.

А может, грабители? Хотят украсть машину? Выбирают место поглубже? Она нажала на газ, машина рванулась вперед, и ее сразу же развернуло поперек мокрого шоссе...

«Что же делать? – лихорадочно думала Оля. – Я не смогу удрать! Если бы хоть деревня какая-нибудь!»

Но вокруг было темно, как в преисподней. Вспыхивали извивающиеся змеи молний, за ними следовали оглушительные раскаты грома. Одурающе пахло мокрыми листьями и озоном. Оля старалась высмотреть какую-нибудь рощицу, чтоб нырнуть туда под прикрытием грозы, спрятаться и затаиться, пока не проедет *та* машина. Но лишь гладкие пустые поля тянулись вокруг. Тут вдруг, к своему облегчению, она заметила, что красные огоньки свернули влево и исчезли...

– Передумал? – шепчет Оля и одергивает себя: – Кто? Что я несу? Кто передумал? Дурацкие страхи!

Ее никто не видел, когда она брала машину, она в пути почти три часа. Найти ее невозможно! Она смотрит в зеркало и при очередной вспышке молнии видит пустую блестящую и мокрую дорогу позади себя. Никого. Новый раскат грома! Оля вздрагивает. И хотя она одна-одинешенька во всем мире и уж во всяком случае – на совершенно пустом шоссе, и бояться некого, она чувствует уже не страх, а ужас. Чудовищная огненная рука молнии с растопыренными пальцами вспыхивает на горизонте. Оля вскрикивает. После вспышки наступает кромешная тьма. На миг ей кажется, что она ослепла. И тут прямо над ее головой раздается чудовищ-

ная громовая канонада, не то артобстрел, не то салют в честь победителей! Она, видимо, оказалась в самом центре грозы. Потоки воды низвергаются с невидимых небес, как Божья кара. Оля заглушает мотор. Теперь даже шум мотора не противостоит разбушевавшейся стихии. Машина превращается в крошечный островок в океане. Кажется, еще миг – и она, дрогнув, тронется с места и поплывет...

Дождь прекращается так же внезапно, как и начался. Последний жгут бледной молнии стеганул по темному небу, проворчал гром – не остервенело, как несколько минут назад, а почти мирно, и сразу же высыпали яркие звезды! И выплыла луна. Оля чувствует облегчение: «Пронесло!» Страхи ее исчезают с последним звуком грозы. Она открывает окно, вдыхает изумительно свежий и прохладный воздух и поворачивает ключ зажигания.

«И в жизни так же, – думает она, – то гроза, то ясно. У меня все еще будет. Сергей найдет меня, он выкрутится, такие, как он, не... не... с ним ничего не случится».

Не случится... Слова произнесены, и ей снова делается страшно. Приподнятость испаряется, ее колотит от страха. Где-то он теперь? Тоже бежит? Скрывается? Или?.. Лучше об этом не думать! Ей нужно добраться до города и ждать. Спокойно ждать.

Впереди блеснула неподвижная лента реки. Река, как водораздел между ее старой и новой жизнью. Она смотрит на часы. Без трех двенадцать. Время всякой нечисти и колдов-

ства. В окно дохнуло речной сыростью и тиной. Гладкую поверхность реки пересекает старый мост, он виден отчетливо, как на черно-белой фотографии. Мост отбрасывает густую вытянутую тень-двойник на поверхность воды... с первого взгляда невозможно понять, который из них настоящий. Перед въездом на мост машину тряхнуло, колесо попало в выбоину. Оля суеверно подумала: «Вот перееду мост...» Уже на середине моста она замечает быстро приближающуюся сзади машину и понимает, что подсознательно ожидала ее появления... Все поплыло у нее перед глазами... Она, освобождаясь, рванула ремень безопасности... разблокировала дверцу... распахнула ее... придавила педаль газа... Машину потащило и затрясло по трещинам старого асфальтового покрытия как по ребрам громадного животного. Оля подумала, что если она остановится у будки вахтера, должен же там быть кто-то... ей никто не страшен! Додумать она не успела... почувствовав сильный удар слева, отбросивший машину на облупившиеся бетонные перила моста... Ударившись о перила, машина, срикошетив, развернулась, и как пружина рванулась в обратную сторону... Еще удар... треск ломаемых перил...

...Ей казалось, что тело ее, освобожденное от ремня, превратилось в тряпичную куклу, которую невидимая рука безжалостно швыряет в замкнутом пространстве машины, разрывая на части... Одна мысль повторялась как заезженная пластинка: скорее бы... скорее... сейчас... сейчас...

Машина, пробив брешь в ограде моста и накренившись, на долгий миг зависла над далекой поверхностью воды, потом, нерешительно качнувшись, словно раздумывая, стремительно понеслась вниз, оставляя позади себя со скрежетом вывороченную дверцу, перевернулась в воздухе и, тяжело рухнув в реку, стала погружаться...

Сила инерции рванула Олю прочь из падающего автомобиля, она почувствовала резкую боль в разбитом лице и закричала... потом еще раз, ударившись о холодную поверхность воды... Она хорошо плавала – детство ее прошло в городе на реке. Вынырнув, она попыталась удержаться на поверхности, но от резкой боли в правом плече стала снова погружаться... Вынырнула... глотнув воды... Плечо онемело, и рука не слушалась...

Течение здесь было сильным; ее несло вдоль темных, заросших кустарником берегов... Еще какое-то время она держалась на поверхности, потом волна накрыла ее, она захлебнулась и стала медленно погружаться, подумав: «Бедный Кириуша... теперь он пропадет... и Старая Юля...» Мысль о мальчике заставила ее сделать несколько слабых гребков по направлению к берегу... потом сознание ее стало туманиться... и последнее, что осталось в памяти, были два диска луны, как два больших бледных лица, одно безмятежно-равнодушное, смотрящее на нее сверху, другое – совсем рядом, дрожащее, размытое, словно плачущее или оплакивающее, – отражение первого. Последний всплеск, последний звук, и в

сияющем, чистом, омытом весенней грозой мире, где радовались жизни всякая травка и всякий листок, наступила тишина...

* * *

... Человек неторопливо шел по лугу вдоль реки, завершая ежедневную прогулку, исполняемую с ритуальной неуко-снительностью. Было раннее утро. Малиновый шар солнца еще только рождался на востоке, день был юн и безгрешен, а теплые испарения сонной земли, смешиваясь со свежим и холодным рассветным воздухом, превращались в длинные белесые полосы тумана. Туман густо заполнял всякие неровности приречного луга: ложбинки, овражки, бочажки, и, неверно колеблясь, как будто дышащее живое существо, где непрозрачный и толстый, а где уже истаявший, висел над рекой. Мир был полон запахами луговой мяты, реки и земли. Легчайший ветерок шелестел молодой осокой и поднимал рябь на поверхности реки. В цветущих кустах калины пробовали голоса проснувшиеся ранние пичужки.

С человеком были три собаки: громадный лохматый черный ньюфаундленд нечистых кровей, Цезарь, и две таксы – Тинка и Дэзи. Цезарь, опьяневший от запахов утра, с мокрой от росы шерстью на брюхе, в полнейшем восторге кругами носился по лугу, обнюхивая каждый кустик и каждую норку полевого зверька. Время от времени он возвращался к хозя-

ину, тыкался носом ему в ладонь, получал добродушный тычок-заверение, что Цезарь – хороший, Цезарь – умный, славный пес, и убегал снова. Девочки Тинка и Дэзи чинно сели рядом с хозяином. Мокрая от росы трава отпугивала их. Дэзи, как более молодая и легкомысленная, иногда собиралась пробежаться по лугу на пару с Цезарем, делала шаг-другой, тонко взлаивала: «Эй, Цезарь, подожди, и я с тобой!» да так и оставалась на месте. А Цезарь, вывалив язык, пронёсся мимо, коротко твякнув: «Трусиха!», забежал в воду, распугивая рыбных мальков, и принимался жадно лакать.

Он в очередной раз забежал в осоку и вдруг застыл, всматриваясь. Потом, оглянувшись на хозяина, поднял морду и залаял, отчаянно виляя хвостом.

– Ну, чего ты, глупый, успокойся! – сказал человек, направляясь к собаке напрямик, через луг. Таксы, путаясь в траве, спешили следом. Цезарь продолжал лаять, призывая хозяина. Убедившись, что тот подходит, пес зашел в воду и поплыл. Человек, понимая, что необычное поведение собаки вызвано необычной причиной, секунду поколебавшись, тоже вошел в воду, как был, в одежде.

Утопленницу он увидел не сразу – река сверкала на солнце, ветер теребил густую осоку... И если бы не Цезарь, зубами вцепившийся в ее одежду, он бы прошел мимо. У нее было бледное, в голубизну, лицо с черными провалами глазниц, бескровные губы, глубокие, промытые водой, порезы на щеках, подбородке, шее. Слабые прибрежные волны слегка

ударяли ее и подталкивали, шевеля волосы, а игра светотени создавала иллюзию жизни... если бы не мертвое лицо, закрытые глаза и безвольное, движущееся в пугающем механическом ритме, тело. Он увидел кисть ее руки, застывшую, словно сведенную судорогой... Уж такого в своей жизни он не видел достаточно. Трупных пятен не видно, но это ни о чем не говорит – холодная речная вода задержала разрушительные процессы.

Повинуясь скорее профессиональной привычке, чем действительно допуская возможность жизни в этом русалочьем теле, он дотронулся до шеи женщины, ощутив под пальцами холодную застывшую плоть. Сначала ему показалось, что он слышит свой собственный пульс, потом он понял, что это было биением ее жизненных токов, слабым, почти неуловимым, угасающим... Мелькнула мысль, что надо бы вызвать полицию и «Скорую»... Они примутся составлять протокол, или что там полагается, а тем временем женщина умрет. А может, она послана ему... как испытание...

Глупости! Старый идиот! Он посмотрел на Цезаря, который нетерпеливо заглядывал ему в лицо, ожидая команды.

– Молодец, мальчик! – похвалил, и пес в ответ вильнул хвостом.

Мужчина рывком поднял безвольное тело, с трудом вырвав его из вязкой субстанции воды и трав, – голова женщины запрокинулась назад, – и, преодолевая сопротивление ила, пошел к берегу. На берегу, стащив с себя и расстелив на

траве свитер, он уложил женщину и приказал:

– Стеречь, Цезарь! Я скоро вернусь!

Тинка и Дэзи бросились было за ним, но луг оказался непроходимым из-за высокой травы, и они в нерешительности остановились. Дэзи залаяла ему вслед. Мужчина на ходу обернулся и повторил:

– Сидеть и ждать!

Глава 7

Старая дача и ее обитатели

Луч солнца, яркий и теплый, скользнул по бледному женскому лицу, синеватым сомкнутым векам, разметавшимся по подушке рыжеватым волосам, и разбудил спящую. Это была Оля. Она проспала больше суток и, если бы не животворящий луч, проснулась бы не скоро или вообще не проснулась. Никто этого не знает. Запасы прочности в человеческом организме просто удивительны, но иногда, в критические моменты, достаточно малейшего толчка, чтобы жизнь, как, извините за избитое сравнение, горящая на ветру свеча, вспыхнула и погасла от легкого дуновения смерти или, наоборот, вернулась от прикосновения трепещущего крыла бабочки.

Оля почувствовала теплые пальцы солнца на своем лице и открыла глаза. Она лежала в незнакомой комнате с белеными стенами. Слабый ветерок шевелил ситцевую, белую в голубой цветочек, занавеску на открытом окне. Было тихо, тепло, пахло пылью, как на старых дачах, и еще чем-то неуловимо знакомым, сладким с горчинкой... какие-то цветы... полевые, мелкая белая кашка... Оля повела взглядом – букет ранних луговых цветов в глиняном кувшине: бледно-сиреневые шары дикого лука, желтые ирисы, малиновая смолка, в центре – ветка цветущей бузины. Вот откуда запах!

Оля повернула голову и улыбнулась, рассматривая букет. В тот же миг что-то мокрое и холодное ткнулось ей в ладонь. Она инстинктивно отдернула руку и увидела громадного черного пса с длинной вьющейся шерстью и улыбающейся мордой, неистово виляющего хвостом. Она тихонько засмеялась и сжала пальцами пасть собаки. В ответ горячий шершавый язык лизнул ее ладонь.

– Ты кто? – спросила Оля.

Пес положил большую голову на постель около ее подушки, заглянул ей в глаза и шумно вздохнул.

– Ты, Глебушка, совсем одичал в своих весах, – донесся до нее откуда-то снизу мягкий неторопливый тенорок со снизводительными интонациями. Оля вздрогнула и посмотрела на окно. – Ты посмотри, на кого ты стал похож? Бородища, патлы, настоящий разбойник с большой дороги! – Мужчина рассмеялся. – Одичал, на русалок уже бросаешься. Как она, кстати? Жива еще?

– Жива, – ответил бас.

– Я думаю, ее не следует здесь оставлять. Ее избили и бросили в реку, та еще пташка. Неизвестно, сколько она пробыла в воде. И хоть не зима, но ведь и не лето. Пневмония ей обеспечена, самое малое. Почему она до сих пор без сознания? Черепно-мозговая тоже не исключена... Ты вообще представляешь себе, чем это все может кончиться?

– Представляю. Во-первых, она в сознании, спит. Дыхание хорошее, пульс в норме, температуры нет. Молодая, вы-

карабкается.

– Ага, придет в себя, глаза безумные, изо рта пузырь выдувает... как хоть ее зовут? И что ты будешь с ней дальше делать?

– Еще не решил. Нужно подумать.

– Все шутишь! Ты бы сходил в участок, там плакаты с уголовниками висят, проверил бы.

– Не болтай ерунды, Боб!

– Подумай сам, Глебушка, ее избили и бросили в реку. А ты подобрал и притащил домой.

– Возможно, была авария.

– Точно! Местный «Титаник» сел на мель и затонул. Сообщений по тэвэ еще не было? Ах, извини, у тебя же нет ящика. У тебя вообще ни хрена нет. Зачем она тебе?

– Пожалел, наверное. Тебе, в принципе, известно слово «сострадание»? Было когда-то такое в родном языке.

– Не помню. Кроме того, в больнице ей было бы гораздо лучше.

– Не уверен. Знаешь, то, что она выжила... чудо!

– А я знаю зачем. Грехи замаливаешь. Вот уже шесть лет простить себе не можешь... Хотя все знают, и ты сам знаешь, что твоей вины не было.

– Знаю. Не надоело?

– Извините, Глеб Юрич, затыкаюсь и молчу как рыба. Губите себя в лесах, живите анахоретом, питайтесь акридами и... чем еще? Желудями? Работайте костоправом, воспиты-

вайте местное население, отучайте от алкоголизма, а жизнь тем временем проходит мимо.

– Меня моя жизнь устраивает.

– Кто бы сомневался. А что ты тут имеешь, позволь тебя спросить?

– Покой и волю.

– Покой и воля хороши, когда у тебя есть все остальное.

– Например?

– Деньги! Я понимаю, конечно, презренный металл... Но хотя бы горячую воду ты мог бы заиметь? Или, как все местное население, принимаешь ванну раз в год на Пасху? Я тебя не понимаю, ты же прекрасный хирург! – горячился тенор, которого назвали Бобом. – Я бы с радостью забрал тебя в свою клинику... ты же знаешь! Да мы бы вдвоем такого наворотили!

– Меня никогда не привлекала пластическая хирургия.

– А что тебя привлекает? Вскрывать нарывы, лечить «от живота и зубов», вправлять суставы, а заодно и мозги алкоголикам... прислуга за все. Хотя какие тут алкоголики... тут и мужиков-то нет. Одни бабушки-старушки остались. Любят тебя, поди?

– Да уж лучше они. Не понимаю и не люблю вашего нового мира, вашего дикого капитализма, где жизнь покупается за деньги, а нет денег, врач на тебя и не взглянет. Ты не в курсе, клятву Гиппократ в медвузах сейчас дают? Телевизора у меня нет, ты прав, но радио я иногда слушаю. Я не

верю, что врач, которому платят, будет лечить хорошо, а тот, которому не платят или платят недостаточно, имеет право лечить плохо. Маразм. Хорошо, что отец не дожил. Я не хочу в этом участвовать.

– И не надо. Работай себе в государственном заведении, кто тебе мешает? Психов-бессребреников и сейчас хватает. Но работай, а не валяй дурака здесь, спиваясь и деградируя.

– Ты же прекрасно знаешь, что я не пью.

– Пока не пьешь. А что здесь еще делать? Запьешь в конце концов.

– Может, и запью, – согласился бас. – А давай прямо сейчас, а? Наливай!

Раздался звон рюмок.

– Эх, хорошо! – протянул тенор. – Это тебе не местного разлива... из сельпо. На такой коньячок в твоём травмпункте не зарабатываешь. А осетринка копченая, а балычок, а маслинка... Неужели не тянет к цивилизации? Скажи честно!

– Во-первых, я не считаю, что копченый балык – величайшее достижение цивилизации, а во-вторых... – Бас помолчал. – Знаешь, Борис, я ведь никогда не любил деревни, еще со студенческих времен, с картошки, за грязь, за бессмысленность, за дикость и пьянство. А сейчас думаю, что есть своя логика в деревенской жизни.

– Какая же?

– Чтобы понять, нужно пожить здесь. Это – особый менталитет, особое состояние души, прочнейшая связь с землей,

ощущение ее как кормилицы, как чудесного дара... а себя – как ее части.

– Очень интересно, но непонятно. И во всяком случае, не для меня. И, думаю, не для тебя. Да и не для всех тех, кто сбежал отсюда в город. И ты тоже сбежишь, рано или поздно. Между прочим, мне ни с кем так не пьется, как с тобой. Ведь нас, Кучинских, только двое осталось на всем белом свете. Нет, Глебушка, уволь, не понимаю, как ты тут выдерживаешь. Тут же свихнуться можно!

– Работы много, Борис. Лечу народ, воспитываю собак, огород опять-таки... да и Старик Собакин тоже не подарок. За ним глаз да глаз нужен. Все время скандалит и обижает собак.

– Какой еще Старик Собакин? – фыркнул тенор.

– Гусь. Пациентка подарила. Тот еще тип.

– Гусь? Где он?

– В сарае. Отбывает наказание за драку с Дэзи.

– Бред какой-то!

– А еще собираю мхи. У меня составила неплохая коллекция, около двухсот образцов. Хочешь, покажу?

– Упаси бог! Я помню, как отец всем показывал марки. Кто досматривал до конца, больше никогда в нашем доме не появлялся. Хоть ты мне и брат, но я тебя не понимаю. Уволь.

– Это я уже слышал. Кстати, ты напрасно отмахиваешься. Не помню, я тебе показывал дедову книжечку о мхах?

– Дедову книжечку? Первый раз слышу.

– Издана в 1939-м Смирновской типографией, тираж 250 экземпляров. Ты не знаешь, где это?

– Понятия не имею.

– И я не имею. Удивительное дело, я никогда не думал, что такая сухая материя, как мхи, может быть такой захватывающей. Мы же ничего о них не знаем. Вот, например...

– Чур меня, чур! – вскричал тенор. – Я еще в том возрасте, когда интересуются совсем другими вещами. Женщинами, деньгами, друзьями. Мхи!

– Ну и напрасно!

– Смотри, твое чудовище появилось! – вдруг сказал тенор удивленно. – Бросило доверенный ему пост? Может, твоя спящая красавица уже умерла?

– Что, Цезарь? – спросил бас. – Что случилось, мальчик? Ну, идем, идем, посмотрим!

Раздался звук отодвигаемых стульев, скрип ступеней под ногами поднимающихся мужчин. Оля, не зная, как себя вести, закрыла глаза. Звук шагов замер у двери ее комнаты. Потом дверь тихо приотворилась, и Оля услышала шепот: «Спит!»

Притворяться спящей было просто глупо; она открыла глаза и улыбнулась, увидев живописную группу: двух мужчин и собаку, стоящих у двери. Один из мужчин, видимо, Борис, обладатель тенора, был небольшим темноволосым и темноглазым человеком, красавчиком с несколько дробными чертами ироничного лица, в белой рубашке, с бабочкой.

Другой, Глеб, длинный, бородатый, с неожиданно светлыми глазами на загорелом лице, выглядел настоящим отшельником. Был он наряжен в старый свитер и джинсы. Цезарь сидел у ног братьев, довершая живописную группу. Мужчины какое-то время молча рассматривали Олю. Прерывая затянувшееся молчание, Борис наконец сказал непринужденно:

– Доброе утро! Как вы себя чувствуете?

Оля молча кивнула, что хорошо.

– Имею честь представиться, – продолжал красавчик с бабочкой, – Борис Юрьевич, для дам – Борис. Можно Боб. А это – мой брат-анахорет!

Оба выжидательно смотрели на нее, и Оля, кашлянув, спросила голосом, который показался ей чужим:

– А как зовут брата-анахорета?

Оба рассмеялись.

– Меня зовут Глеб, – представился бородатый.

– А мы уже было забеспокоились, – снова вступил Борис, – вы все спите и спите. С тех пор как мальчишки выловили вас из реки, прошло больше суток. Я имею в виду Глеба и Цезаря, – объяснил он, поймав ее вопросительный взгляд. Цезарь, услышав свое имя, привстал, вильнув хвостом, и коротко возбужденно вздохнул.

– Спасибо, – сказала Оля.

– Пожалуйста, – любезно ответил Борис, – мы всегда готовы помочь... хорошему человеку! – Последние слова прозвучали, как вопрос: «А что вы за человек? Хороший или?..» –

Вы были скорее мертвы, чем живы, и если бы не Цезарь, который вас... унюхал? Или разнюхал? Настоящий водолаз, одним словом. А можно вас спросить, что с вами приключилось? На вас напали?

– Я не помню, – сказала Оля тихо. – Помню грозу, мост... потом удар о перила...

Она поднесла руку к лицу и тут же испуганно отдернула, наткнувшись на что-то колючее и острое, почувствовав боль.

– Осторожнее! – вскричал Борис. – Я наложил швы, там у вас глубокий порез... То есть, вы ничего не помните? Ни того, как попали в реку, ни аварии? С вами был еще кто-нибудь?

– Нет, я была одна. Было скользко... – Оля чувствовала себя гадко от своего вранья.

– Мы можем отвезти вас в больницу.

– Спасибо, не нужно, я чувствую себя хорошо. Большое спасибо.

Она по-прежнему не узнавала свой голос. В горле першило, болела правая скула, стянутая швами, шумело в голове.

– Да и заявить об аварии не помешает...

– Успеется! – перебил брата Глеб. – Как голова? Чувствуете головокружение, тошноту?

– Нет, кажется.

– Что-нибудь беспокоит? Вздохните глубоко. Как? Больно?

– Нормально.

– Встать можете?

Оля, опираясь руками о кровать, попыталась привстать, но, вскрикнув от резкой боли в правом плече, рухнула обратно. И в ту же минуту на нее обрушился потолок. Она схватилась за горло от приступа тошноты и закрыла глаза.

– Сейчас, сейчас, – пробормотала она, не открывая глаз, – я привыкну.

Братья переглянулись. Борис выразительно пожал плечами и приподнял левую бровь. Жест и выражение лица означали: «Только в больницу. Я тебе сразу сказал, неприятностей с ней не оберешься. Ей же совсем плохо! А вдруг...»

– Иди, Боб, – обратился бородач к брату, – иди вниз, достань еще один прибор, поставь чайник, что там еще... сыр, масло, завари чай.

– Йес, сэр! – Борис дурашливо вытянулся и щелкнул каблуками.

– Вам уже лучше? – спросил Глеб. – Я посмотрю вас. Не стесняйтесь, я врач. – Пальцы его осторожно ощупали Олино плечо. Она затаила дыхание, ожидая боли. – Больно? А так? Так больно? Отвечать честно! Поверните голову. Чувствуете головокружение?

– Немножко.

– А сейчас? – Глеб с отсутствующим видом, как человек, который прислушивается к чему-то, слышному лишь ему одному, нажимал пальцами на Олин живот. Оля чувствовала его руки на своем теле и не испытывала ни малейшей

неловкости, к своему удивлению. Наоборот, ей было покойно, уютно и хотелось спать...

Снизу, с веранды, долетало звяканье чайных ложечек, шаги, сочное хлопанье дверцы холодильника. И вдруг в комнату ворвался густой запах кофе. Оля сглотнула и сказала:

– Можно мне кофе?

Глеб хлопнул себя ладонью по лбу:

– Оттого и головокружение! Сейчас я буду вас кормить.

– Послушайте, – сказала Оля нерешительно, – я хочу вас попросить...

– Да? – Он внимательно смотрел на нее.

– Пожалуйста, не надо никуда заявлять, ладно?

Глава 8

Коля Милосердов

Маргарита Павловна Милосердова работала инженером в КБ большого завода и одна воспитывала сына Колю, расставшись с мужем за три месяца до рождения ребенка по причине совершенного несходства характеров. Будущий папа пил и в пьяном виде из спокойного незаметного парня превращался в неприятного придирчивого типа, который скандалил из-за непришитой пуговицы, холодного супа, нестиранных носков, то есть из-за всяких несущественных мелочей, случающихся повсеместно в молодых (и старых тоже) работающих семьях. Глаза его наливались кровью, артикуляция нарушалась, от чего речи молодого мужа становились бессвязными и маловразумительными. Чувство, что весь мир ему должен, подавляемое в трезвом виде, вырывалось на свободу после пары выпитых рюмок. Смысл его высказываний сводился к мысли: зачем он, Андрей Милосердов, женился, если носки грязные, обед не готов, любимой жареной картошки на завтрак не подают... Он решительно пресекал протесты молодой женщины, которая, защищаясь, в свою очередь, пыталась обвинить мужа в несостоятельности: уже две недели он не может прибить оторванный карниз, починить текущий кран или вкрутить лампочку на лестничной площадке...

Они развелись после того, как он ее ударил... благо, делить было нечего – квартиру они снимали. И вкусила Маргарита Павловна все прелести жизни матери-одиночки: больничные листки по уходу, детские садики, которые сын ненавидел всей душой, простуды, прививки... А теперь вот новая напасть – Коле шесть лет, и воспитательница сказала ей, что он растет одиноличником, не находит общего языка с коллективом, не слушается, правда, и не шалит, как другие, но все время думает непонятно о чем. Правда, опять-таки, считает лучше других. Надо обратить внимание. И вообще, может, даже показать его «нервопатологу». Воспитательница была толстой молодой женщиной, необразованной, с неправильной речью. Как-то зимой на детском утреннике она сказала: «Дети, посмотрите, какая к нам Петрушка пришла!» А где взять лучших? Хороших специалистов, как и всяких других хороших вещей в нашем мире, никогда не бывает достаточно.

В силу занятости, Маргарита Павловна ничего подобного не замечала за сыном, вернее, не обращала внимания, вернее, обращала, но не придавала значения. Ну, застывает иногда с набитым ртом, перестав жевать и уставясь в пространство – она так тоже делала в детстве, особенно когда ела манную кашу. Задаёт вопросы. Все дети задают. Любит рассматривать животных, охотно ходит с ней на базар, в те ряды, где продают домашнюю живность. Оттащить его от щенков и котят невозможно. Как-то она предложила купить собачку,

но Коля, к ее удивлению, отказался.

– Почему? – удивилась Маргарита Павловна.

– Отвлекает, – пояснил сын.

– От чего?

– От всего!

Она вспомнила этот случай после разговора с воспитательницей. Сходила в библиотеку и взяла книги по детской психологии. Наткнулась на статью об аутизме: у детей-аутистов расстроены связи с внешним миром, они асоциальны, живут в своем собственном мирке, и достучаться до них с возрастом все труднее и труднее...

Напуганная Маргарита Павловна стала присматриваться к сыну. Итогом наблюдений стал неутешительный вывод, что сыну никто не нужен, он самодостаточен; с удовольствием играет, бормоча себе под нос; внимательно рассматривает картинки и формулы из ее старых студенческих учебников; молча думает о чем-то; не боится темноты и рисует. Рисунки необычны для ребенка шести лет. Например, рисунок с аркой. Большая арка-выход со двора на улицу. Мимо арки по улице идут люди. Одного человека Коля изобразил целиком, от другого оставил только ногу.

– А где же весь человек? – спросила Маргарита Павловна.

– Он уже прошел и его не видно, – объяснил сын.

Раньше ее это забавляло, а теперь стало пугать...

...Врач, молодая, красивая женщина, встречает их деловито, без улыбки.

– Так, – говорит она, заглядывая в карточку, – Милосердов Коля, шесть лет, жалобы. Плохой сон? Недоразвитие речи, недержание мочи?

– Нет, нет, с этим все в порядке. – Маргарита Павловна с удивлением отмечает просительные интонации в своем голосе. Она вдруг вспоминает старушку, которую видела у нотариуса, все время повторявшую со слезами в голосе: «Будьте такие добренькие!»

– А в чем же дело? – Она смотрит на Колю. – У тебя что-нибудь болит? – Коля молча мотает головой: «Нет!» – А ты говорить умеешь? – Коля кивает, что умеет. – Ну так говори, а не мотай головой, – строго говорит докторша. Коля молчит. – На учете не состоите? Обращались раньше? Ну-ка, покажи зубы! – Коля молчит, стиснув зубы, которые забыл почистить. – В чем дело? Ты понимаешь, о чем я тебя спрашиваю? – Голос врача звучит резко.

Коля смотрит на мать. Маргарита Павловна растеряна, она не понимает, что происходит. Конец немой сцене положил зазвонивший мобильный телефон. Докторша взяла трубку, мигом преобразилась и радостно засмеялась.

– Ты здесь? Бегу! – закричала она возбужденно. – Подождите! – на ходу бросила она Маргарите Павловне, схватила сумку и выскочила из кабинета.

– Не повезло вам, теперь скоро не жди, – сказала пожилая медсестра. – А может, оно и к лучшему. До нее была Клара Семеновна, душа человек, и дети ее любили. Мы с ней начи-

нали еще в старом здании, годов двадцать будет. Рак у нее нашли, поздно, уже не спасли. А эта... после курсов, молодая специалистка... новая жена нашего главного... третья! Господи, хоть бы до пенсии дотянуть. Я бы ей кошку не доверила, не то что ребенка. Она ж ничего не знает и не умеет, кроме как на учет ставить... Вам это надо?

– Но я хотела посоветоваться, – начала объяснять Маргарита Павловна.

– О чем? Тебя как звать? – обратилась медсестра к Коле.

– Коля!

– А сколько тебе лет?

– Мне шесть лет и четыре месяца! – отрапортовал Коля. –

А как зовут вашу кошку?

– Какую кошку?

– Ну, которую вы не доверите этой молодой специалистке?

Медсестра выразительно посмотрела на Маргариту Павловну, положила руку на стриженую колючую голову мальчика и сказала:

– У меня кот, зовут Тимоша.

Коля почувствовал тепло ее тяжелой руки.

– Не о чем советоваться. Идите себе домой. Карточку заберите.

– А доктор? – нерешительно спросила Маргарита Павловна.

– Она и не вспомнит. А вспомнит, скажу, что вы уютюг забыли выключить да ушли. Идите с Богом!

– А сколько вам работать до пенсии? – спросил Коля, уже от двери, не обращая внимания на мать, тянущую его за руку.

– Два года, – вздохнула медсестра, не удивившись.

– Не бойтесь, – утешил ее Коля, – вы доживете до пенсии и проживете намного длиннее.

– Спасибо, родной! – умилилась сестра.

По дороге Коля рассказывал маме про соседку тетю Зину, которая позвала его, чтобы познакомить с одним дядей по имени Олег Иванович, а потом спросила про него.

– И что ты ей ответил? – удивилась Маргарита Павловна.

– Что он не понравился.

– Почему же?

– Врет он все!

– Разве можно так о взрослых? – машинально спросила Маргарита Павловна. Сын и раньше удивлял ее тем, что за считанные секунды собирает кубик Рубика, хорошо считает, знает четыре арифметических действия, много думает, уставясь в пространство, ночью иногда не спит, а молча сидит на кровати, не капризничает, не по-детски рассудителен, не просит есть, не дать – помрет с голоду и не вспомнит. Фантазирует. Однажды целый день был мальчиком-роботом Каа с планеты Карама и целый день разговаривал на их языке. Не боится собак. Любит общаться со стариками, задавая им вопросы вроде: «Почему у вас белые волосы?», «Почему старые люди болеют?», «А может водоворонка засоси кораб-

ля?» Все задают. И с какого перепугу, спрашивается, она потащила его к врачу? Подумаешь, воспитательница сказала! Зато, явно выраженные математические способности. Пора покупать компьютер.

Глава 9

Глеб и Оля

Оля живет на старой даче уже три недели. Ей кажется, что старая дача – остров в океане бурь, спокойное и мирное пристанище, о котором любой странник может только мечтать. Луг, деревья, птицы, три собаки, старый гусь со сложным характером. И хозяин – Глеб Юрьевич, часть окружающей природы, как старый дуб на опушке леса по соседству или куст смородины в заросшем дачном саду. Вообще-то, никакая это не дача, а обыкновенный деревенский дом, который родители Глеба и Бориса купили много лет назад. Сначала проводили здесь только выходные, а потом, когда Глеб женился, и вовсе перебрались сюда, оставив ему городскую квартиру. Отец рыбачил – в кладовой до сих пор стоят его удочки, а в ящике хранятся блесны и крючки, а мама возилась в саду, и все кусты смородины, роз и малины, сейчас совсем одичавшие, посажены ее руками.

Оля никогда не жила в деревне и теперь с удивлением чувствовала, что ей здесь нравится, уходить не хочется, и она находит все новые отговорки, чтобы не сказать, что ей пора.

– Я не хочу его огорчать, – говорила она себе. – Он меня спас, он так одинок, я скрашиваю его одиночество, как же я вот так сразу возьму и уйду?

Или: – Вот приведу в порядок его одежду, совсем обно-

сился, настоящий анахорет! Ох, уж этот мне анахорет!

Оля улыбается. Глеб рассказал ей, как однажды Борис привез к нему свою очередную жену Алину и, представляя его, сказал: «А это мой брат-анахорет!» На что Алина воскликнула бесхитростно: «Анахорет? Какое странное имя! Никогда не слышала!» Борис смутился и не нашел, что сказать, что было ему абсолютно несвойственно. Паузу прервал Глеб, объяснивший, что Борис пошутил, и его зовут Глеб.

Оле было хорошо здесь. Простодушный Цезарь считал ее членом семьи. Девочки-таксы присматривались к ней пару дней, но потом тоже подружились.

– Цезарь у нас добрый, он всех любит, – говорил Глеб, трепля густой загривок пса, – он с удовольствием поможет грабителю донести узлы до машины. Хотя, правда, тут и красть-то нечего, – добавил он, подумав.

И действительно, красть на даче было нечего. Ни телевизора, ни компьютера, ни денег. Ничего! Немного посуды на кухне, немного одежды, книги, коллекция мхов. Если бы не радио и некоторые современные вещи вроде зубной пасты и красивой хромированной кофеварки, можно было бы подумать, что жизнь здесь остановилась еще в прошлом веке. Радио рассказывает, что везде войны, землетрясения, цунами и торнадо, а здесь, на старой даче, тихо и спокойно, в траве прыгают и стрекочут кузнечики, и можно пойти в огород надергать зеленого лука и редиски к обеду. И нарвать укропа для супа. Неразлучная тройца сопровождает ее к грядке, сто-

ит и наблюдает, как она рвет зелень, потом все вместе идут обратно. Глеб, когда остается дома, тоже наблюдает за ней, хотя делает вид, будто читает. Олю забавляет эта невинная хитрость, и она, в свою очередь, делает вид, что верит, будто он читает.

– А почему ее зовут Тинка? – спросила она как-то у Глеба.

– Вообще-то, она не Тинка, а Тянучка, уж очень длинная уродилась, ну а сокращенно Тинка. А Дэзи – ее ребенок. Очередная жена Бориса не выносила собак, и он привез Тинку сюда. А через полтора месяца она, к изумлению Цезаря, да и к моему, признаться, произвела на свет дочь Дэзи. Имя ей придумал Борис, эстет и сноб.

Оля готовила Глебу обеда, испытывая от этого творческую радость. Стирала, убирала, чинила одежду. Дни здесь тянулись неторопливо, от восхода до заката проходила целая вечность. Ночью иногда случались грозы, но какие-то несерьезные, жизнерадостные, полные молодого задора и энергии. Утром снова вставало солнце, мир сиял, все вокруг цвело и радовалось жизни. Рано утром они шли купаться на реку. То есть купались только мальчишки – Глеб и Цезарь, а девочки сидели на берегу. Для Оли вода была слишком холодной, а таксы побаивались. Глеб заплывал далеко, к противоположному берегу, чтобы сорвать для Оли желтую сладко пахнущую кувшинку, Цезарь не отставал.

Они выбирались на берег мокрые и холодные. Цезарь принимался отряхиваться, и Оля, смеясь, уворачивалась от

брызг, летевших от его длинной шерсти. И они шли домой завтракать. Какое замечательное слово – домой!

«Дом! А ведь с тех пор как умерла мама, у меня нет дома, – думает Оля, – кружит меня по свету... и человека убили из-за меня...»

Мысли эти приходят и уходят. Здесь, на старой даче, не думается о плохом. Сонное царство. Оля загорела, посвежела, царапины на лице зажили, а о глубоком порезе на правой щеке напоминает только едва заметный розовый шрам.

Глеб работал три дня в неделю в небольшой деревенской больничке, куда ездил на своей машине, выдавшей виды синой «Хонде». А Оля и собаки оставались на хозяйстве.

На выходные приезжал Борис с сумками деликатесов.

– Тебе не кажется, что ты как-то зачастил к нам? – однажды спросил его Глеб. – Бензин расходуеться, на продукты тратишься.

– У вас, – ответил Борис, подчеркнув «вас», – так тепло и уютно, а кроме того, Оля – моя пациентка, прошу не забывать. Кроме того, от меня ушла жена, и я совсем одинокий.

– Это ненадолго. Я уверен, ты уже присмотрел себе кандидатку на роль следующей жены.

– Не знаю, не знаю, – вздыхает Борис, – подустал я как-то.

– Конечно, гарем – это всегда хлопотно, – язвит Глеб.

– Да нет, я не против. Правда, годы уже не те...

Он искоса смотрит на Олю, и они дружно смеются. Так, болтая и смеясь, они сидели на веранде долгими летними

вечерами.

Догорал закат, на землю мягко опускалась ночь. Оля за-
жигала свечу. Тишина и тьма существовали где-то за преде-
лами огня, и там, в этой темной тишине, не чувствовалось
ни движения, ни ветерка. Пахло луговыми травами, мятой,
аиром, чабрецом. От реки тянуло свежестью и напелзал ту-
ман. Иногда кто-то плескал в прибрежной осоке – водяная
крыса или щука. Иногда кричал коростель, которому тоже
не спалось. Разгоралась, потрескивая, свеча, налетали и ви-
лись вокруг ночные бабочки. Появлялись первые, вздраги-
вающие от ночной прохлады, звезды. Собаки дремали рядом
– громадный Цезарь лежал, положив голову на лапы, а Тинка
и Дэзи сидели как два маленьких сфинкса.

– Не хочется уезжать от вас, – жаловался Борис, – вот
сейчас вернусь домой, а там – пусто, темно, неудобно, всюду
пыль... не чувствуется женской руки. Вот так бросить бы все
да и переселиться сюда, к вам.

– Очень ты тут нам нужен, – басит Глеб. – Это же деревня,
не забывай, а ты и деревня – понятия несовместимые.

– В жизни каждого человека, – назидательно поднимает
указательный палец Борис, – наступает время собирать кам-
ни и возвращаться к истокам. Отредактирую наконец рас-
сказы отца. Ты, кстати, давно мог бы и сам...

– Ты прав, – говорит Глеб, – свинство с моей стороны.
Знаете, Оля, – он смотрит на девушку, – отец, когда ему бы-
ло около семидесяти, начал писать рассказы, воспоминания

из своей богатой практики. Он был хирургом. Некоторые из них даже напечатала местная газета, и читатели благодарили его за надежду, писали о себе, он отвечал. Он тогда уже не оперировал. Отец умер четыре года назад, и мы с Борисом хотим издать его рассказы. Борис у нас будет спонсором.

– Знаете, Оля, – говорит Борис, – надо вам заметить, что все члены нашей семьи – поздние цветы. Цветут до глубокой старости. Отец в семьдесят начал литературную карьеру. Бабушка, его мать, в шестьдесят, посмотрев впервые «Мост Ватерлоо», который стал ее любовью на всю оставшуюся жизнь, стала страшной англоманкой, взялась за английский и вскоре читала несложные детские книжечки. Меня тоже заставляла... но, увы. И тогда моя родная бабушка сказала родителям, что ничего хорошего из меня в жизни не выйдет, что я балбес, лентяй и бездарь. А Глеб ваш, – добавляет обличающе, – всегда был вундеркиндом и подлизой. Его все любили.

– И ты мне до сих пор завидуешь, – парирует Глеб.

– Завидую, – признается Борис. – Таким уж я уродился завидушим.

И так далее, и тому подобное, до глубокой ночи, до третьих петухов. Оля украдкой рассматривает братьев. Просто удивительно, до чего же они разные. Борис – небольшой, изящный, стремительный, с иссиня-черными волосами – он отбрасывает их резким движением головы, – со смуглой кожей, ласковыми черными глазами-маслинами и обаятельной улыбкой. И манерой при разговоре смотреть собеседнику в

глаза. Кто ж устоит? Никто! Неудивительно, что Глеб называет его бабником и многоженцем. А кроме того, профессия обязывает быть интересным, привлекательным и прекрасно одетым. Он должен нравиться своим пациенткам. Оля прекрасно понимает, что Борис просто неспособен любить одну женщину – с такими-то горящими глазами!

А Глеб – никто бы никогда не принял их за братьев – совсем другой. Большой, неторопливый, скупой на слова и жесты, иронично-доброжелательный деревенский философ. Светлые глаза на обветренном лице, русая борода с обильной сединой. Первоклассный хирург, по словам Бориса, зарабатывающий копейки в своей лечебнице. Довольствующийся малым. Не честолюбив и не суетен. Так, по мнению Оли, должен выглядеть человек, постигший смысл жизни. Рассматривает ее, Олю, не в упор, как Борис, а лишь бегло взглядывает при разговоре. Иногда не знает, что сказать, и они по долгу молчат. В отличие от Бориса безразличен к одежде, да и куда тут одеваться? Джинсы, клетчатые рубашки и свитера годятся на все случаи жизни.

У Бориса подкупающая манера брать собеседника в сообщники. Он говорит «мы с Олей», «Оля – моя пациентка», «Правда, Олечка?», «Ты, Глебушка, всего-навсего спас ей жизнь, а я – красоту. Олечка, а что важнее для женщины – жизнь или красота?» и смотрит на нее ласковым, обволакивающим, по-мужски оценивающим взглядом, в котором читается откровенное желание. Оля с трудом переводит взгляд

на Глеба. Глеб выжидающе, насмешливо, все понимая – Оля вспыхивает! – смотрит на нее. Оба смотрят на нее и ждут ответа. И она, не придумав ничего другого и не желая никого обидеть, как ребенок отвечающий «Мамупапу» на вопрос: «Кого ты любишь больше – маму или папу?» – говорит:

– Жизнь однозначна, а красота – понятие субъективное.

– Очень сложно, – фыркает Борис, – вы ускользнули от ответа.

– Ничего подобного! Это честный и ясный ответ! – защищает ее Глеб. – Красота – понятие субъективное. То есть я допускаю, что есть красота общепринятая, бесспорная, как красота Моны Лизы, но в жизни часто красивым кажется тот, кто тебе люб.

– Да сколько можно облизывать эту Мону Лизу? Да что же в ней красивого? Ах, загадка! Я помню, какой-то борзописец опубликовал статью под названием «Четырехсотлетняя загадка женской улыбки». Так и представляешь себе улыбающуюся красотку четырехсот лет отроду! Никакой загадки в вашей Моне Лизе нет. Знаете, о чем она улыбается?

– О чем?

– А вот пусть Оля скажет. Ни одна женщина не составляет загадки для другой. Итак, Оля, известно ли вам, почему Мона Лиза *так* улыбается?

– Известно!

– Я так и знал! Почему?

– Я думаю, она влюблена и улыбается, вспоминая о сви-

дании.

– Bravo! Могу добавить: о тайном свидании. Улыбка у нее довольно каверзная и торжествующая, она говорит: «Не знаете и не узнаете, и в гробу я вас всех видала!»

– Трепач!

– Ну вот, Олечка, страдаю за правду, как всегда. За открытость, чистосердечие, наивность. Ну, грешен, каюсь, люблю женщин и вижу их насквозь. Хотя почему каюсь? И не каюсь вовсе. И наш дед любил. Удивительно, что он находил время на мхи. Странно, Глебушка, ты тоже собираешь мхи, а вот женщины тебя не волнуют.

– Кто тебе сказал подобную глупость?

– Сам вижу. Постой-ка, а может, у тебя кто-то есть? И ты скрываешь ее и внутренне улыбаешься, как Джоконда? Признавайся! Какая-нибудь сельская учителька? Оля, – обращается он к девушке, в голосе его звучат заговорщицкие нотки, – вы, как натура чуткая, посмотрите на него внимательно и скажите, влюблен мой старший брат или нет.

Оля, помедлив, заставляет себя взглянуть на Глеба, их глаза встречаются... впервые Глеб не отводит взгляда... наступает пауза... трещит, оплывая, свеча... вьется, ударяясь в стекло, бабочка... двое на острове грез... проходит долгая вечность («долгая вечность» – смешно!), прежде чем Оля говорит тихо:

– Кажется, влюблен.

– Так я и знал! – бодро говорит Борис, но что-то переме-

нилось в его тоне, словно угасло, запал исчез. – Меня не проведешь.

Глава 10

Глеб и Оля (окончание)

Вечерело. Небо было малиновым – к ветру и перемене погоды. Они только что закончили ужинать. Глеб делал вид, что читает. Оля убирала со стола. Глеб было сунулся помогать, но Оля решительно отказалась. Дэзи, постукивая когтями по полу, сопровождала Олю в кухню и обратно. Мирная домашняя сцена. Догорающий летний день, деревенский покой, дом, утопающий в зелени, долгие неспешные трапезы на веранде и разговоры обо всем на свете. В тот вечер, однако, оба молчали. Оля вскользь сказала, что она загостилась и ей уже пора. Чувствует она себя хорошо и... ну, одним словом, ей пора. Глеб проробормотал:

– Куда вам спешить... вам еще окрепнуть не мешает, и головные боли могут вернуться.

Жалкий лепет! Настроение у него было подавленным. Он чувствовал свою беспомощность, неумение сказать... Не находит слов? Не уверен? Боится показаться смешным, нелепым и навязчивым стариком? Как бы там ни было, ничего кроме: «Ну, куда вам спешить? Оставайтесь! Вы еще недостаточно окрепли. И собаки вас полюбили», – он не придумал. Идиот! «Собаки вас полюбили!» Убедительная причина, чтобы остаться. Ему хотелось взять ее за руку и сказать: «Не уходите! Я не хочу, останьтесь!» Но он не смел. Что

он мог ей дать? Тысячу раз прав Борис. Неудачник! Жалкий старый неудачник, зарывший талант в землю, способный только терять... Все ушло, как песок сквозь пальцы... А у нее своя жизнь, о которой он ничего не знает. Она рассказала ему далеко не все. Она ничего ему не рассказала! Он прекрасно помнит, что лежало в ее маленькой кожаной сумочке с длинным ремешком, которую потом нашел Цезарь... Глеб подозревал, что авария произошла не случайно, и гнал от себя дурные мысли. Она ведь даже не назвала своего настоящего имени. Оля! В паспорте совсем другое. Пришла ниоткуда и уйдет в никуда. Он стал неохотно выходить из дома – ему казалось, что он уйдет, а она исчезнет, как и не было.

Она стирает ему рубашки, гладит, тщательно расправляя воротничок. Глупец, он придает этому какое-то чуть ли не сакральное значение! Видит за обычным человеческим желанием отблагодарить некий особый смысл...

Каждый вечер они подолгу, до ночи, до звезд, сидят на веранде, разговаривают или молчат. Она штопает его свитер, старательно и неумело, уже который день, или вернее вечер, несмотря на его протесты. А ему хочется сказать... Казалось бы чего проще! Взять и сказать: «Оля, я...»

Но он молчал, ругая себя за трусость. Трус и неудачник! Дед всегда говорил – главное ввязаться, а там посмотрим! А он даже ввязаться не способен, заранее принимая поражение. Видимо, кураж и чувство авантюризма, гуляющие в их роду из одного поколения в другое, достаются не всем поне-

много, а лишь одному. В их поколении – это Борис. Боб. Глеба восхищало и забавляло нахальство младшего брата: вот кто не боится получить щелчок по носу! И получает, получает же! Ну и что? «Корона с головы не упала, – только и скажет, почесав в затылке, и снова вперед. – Волков бояться, в лес не ходить!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.